Н. Абрамовъ.

Даръ слова.

Выпускъ второй.

Искусство разговаривать.

Глава I. О разговорѣ.

Я возвращался съ Парижской выставки. Судьбѣ угодно было помѣстить меня въ одномъ купэ съ соотечественникомъ, котораго не трудно было узнать по нѣкоторымъ замашкамъ, характеризующимъ русскаго человѣка за границей.

Легко понять, что послѣ трехмѣсячнаго пребыванія на чужбинѣ, среди иностранцевъ, мнѣ было весьма пріятно увидѣть соотечественника и особенно услышать родную рѣчь, отъ которой мое ухо, казалось, отвыкло. Повидимому, спутникъ мой также узналъ во мнѣ соотечественника и испытывалъ то же чувство взаимнаго притяженія, которое быстро устанавливается между людьми одной національности на чужбинѣ.

Не нужно было и подыскивать темы для разговора: судя по выставочнымъ путеводителямъ и многочисленнымъ бездѣлушкамъ-сувенирамъ, выглядывавшимъ изъ узловъ и корзинокъ моего спутника, онъ, также какъ и я, возвращался съ выставки; такимъ образомъ, сама напрашивалась естественнѣйшая тема — выставочныя впечатлѣнія.

Такъ какъ онъ все поглядывалъ въ мою сторону, не рѣшаясь начать разговоръ, то началъ его я.

— Вы также съ выставки, неправда-ли?—спросилъ я.

— Какъ же, — отвѣчалъ онъ, видимо довольный оборотомъ дѣла и широко улыбаясь всей физіономіей.

— Какое она на васъ произвела впечатлѣніе?

— Грандіозное!

Пауза.

— Не правда-ли, французы великіе мастера на всякія внѣшніе эфекты?

— О, да!

Опять пауза.

— А какъ вамъ понравился русскій отдѣлъ?

-- Такъ себѣ.

-- А башня Эйфеля?

— О, это грандіозная штука.

— Поднимались вы на нее?

— Какъ-же, не разъ; величественный видъ.

Пауза.

— А какъ вамъ понравился самый Парижъ?

— Грандіозный городъ!

Такъ ничего и не добился я отъ моего собесѣдника кромѣ „грандіозный" да „величественный".

Между тѣмъ онъ съ удовольствіемъ слушалъ, когда я разказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ, часто поддакивалъ, утвердительно качалъ головой, что-то бормоталъ мнѣ въ отвѣтъ и даже не разъ порывался говорить, но запинался на второмъ же словѣ. Я скоро бросилъ разговоръ, гдѣ мнѣ одному приходилось говорить. Мы цѣлый день ѣхали вмѣстѣ почти молча, лишь изрѣдка перекидываясь двумя-тремя словами, и къ вечеру разстались безъ сожалѣнія. Этотъ скучный господинъ, очевидно, былъ совершенно незнакомъ съ великимъ искусствомъ разговаривать, отличающимъ человѣка изъ „общества" отъ угрюмаго дикаря.

Я потомъ долго думалъ объ этой незначительной встрѣчѣ. Какъ пріятно и незамѣтно протекло бы время въ разговорѣ, какъ скрасилось-бы живой, непринужденной бесѣдой скучное однообразіе ѣзды въ вагонѣ! Оба мы были расположены бесѣдовать, у обихъ было о чемъ говорить, — вѣдь мы встрѣчаемся впервые и ѣдемъ съ выставки, гдѣ собраны всѣ чудеса міра,—а между тѣмъ мы все время сидѣли молча, глядя отъ скуки въ окно на неестественно бѣгущія деревья и поля и на телеграфную проволоку, то подымающуюся, то опускающуюся у самаго окна.

Удивительное дѣло, думалъ я. Всему люди учатся, всякія науки и искусства проходятъ, какъ полезныя въ жизни, такъ и совершенно безполезныя, только на одно искусство рѣшительно никто не обращаетъ вниманія: на искусство разговаривать. Точно разговоръ, бесѣда, возможность общенія съ другими — не есть самое дорогое наше достояніе, самое значительное отличіе человѣка отъ животнаго, точно умѣніе разговаривать не есть одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ человѣческаго усовершенствованія!

И вспомнилъ я записанный Гоголемъ разговоръ двухъ мужиковъ:

— Сватъ, здорово!
— Здорово, сватъ!
— А что табакъ-отъ есть?
— Есть.
— Ну, еще здорово! (*нюхаетъ*).
— Да чтожъ ты, сватъ, къ намъ того?
— Я было того, жена-то таé такъ ужъ и ну.

Да, именно такъ и должны говорить при встрѣчѣ люди неразвитые. Имъ разговаривать не о чемъ. Какъ корова въ извѣстномъ парадоксѣ, они не говорятъ не потому, что не умѣютъ, а потому, что имъ говорить не о чемъ.

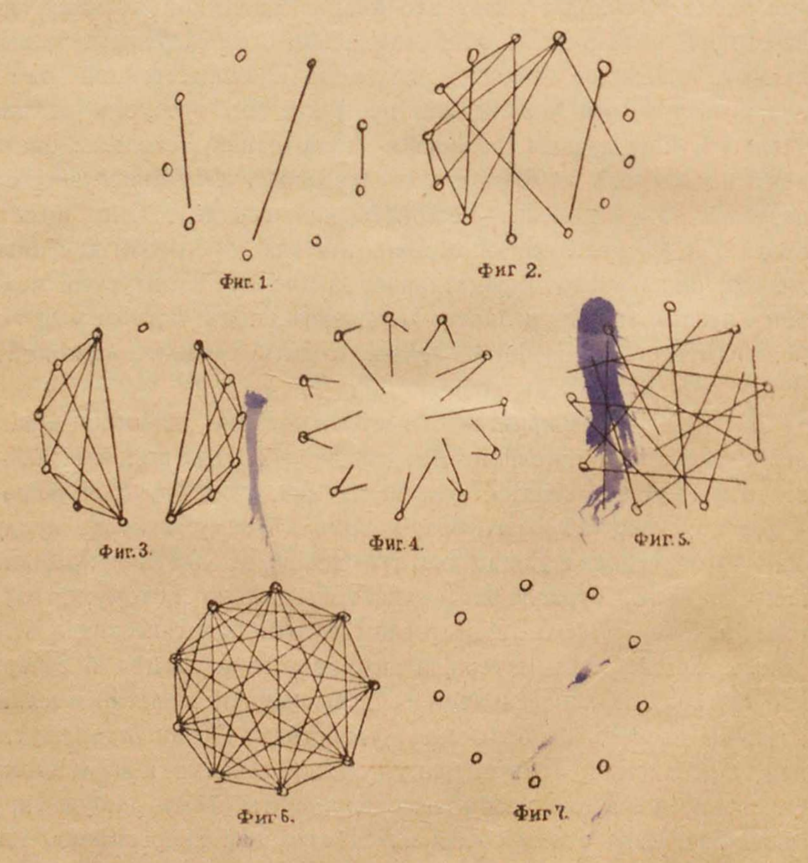
Пріятный собесѣдникъ, человѣкъ, умѣющій войти въ салонъ и выйти изъ него, т. е. сказать что нибудь особенно пріятное при входѣ и выходѣ,—вѣдь это кладъ для всякой хозяйки, желаннѣйшій человѣкъ въ обществѣ. Общество держится такими людьми. А великое значеніе общества и общественной жизни для культуры, для морали, для прогресса не требуетъ доказательствъ. Еще древній философъ (Аристотель) сказалъ: „человѣкъ по природѣ животное общественное". Дѣйствительно, отшельничество, уединеніе—несвойственно человѣку. Оно имѣетъ смыслъ, какъ религіозный подвигъ, но для прогресса, для цивилизаціи оно имѣетъ отрицательное значеніе. Культурный человѣкъ чувствуетъ потребность и обязанъ, подъ страхомъ одичанія, видѣть себѣ подобныхъ людей, ходить къ нимъ, принимать ихъ у себя, бывать въ „обществѣ".

Для чего же собирается общество, коли не для обмѣна мыслей и впечатлѣній, коли не для разговора? Вѣдь всякія игры,—всѣ эти карты, шахматы, фанты, музыка, танцы и проч. и проч. —только суррогатъ разговора, поводъ къ нему, искусно придуманная обстановка для него. Игры вошли въ плоть и кровь нашего средняго, буржуазнаго общества только потому, что у насъ, за отсутствіемъ общественныхъ или политическихъ интересовъ, не хватаетъ матеріала для разговора на цѣлый вечеръ, что обмѣняться нашими немногочисленными и мелкими мыслишками мы можемъ съ большимъ удобствомъ и въ промежуткѣ между робберами, и въ антрактѣ между танцами, и за ужиномъ. Остальное же время необходимо заполнить чѣмъ нибудь другимъ. Благодаря этому совершилась странная „переоцѣнка цѣнностей". Стали приглашать гостей не для того, чтобы свидѣться и обмѣняться мыслями, а на винтъ, на музыку, на танцы, совершенно забывая, что эти вещи—не цѣль, а средство, не са-

мая суть, а только внѣшняя обстановка; что суть въ обмѣнѣ мыслей ко взаимному усовершенствованiю, что „гвоздь"-то самый—въ совмѣстномъ исканiи истины путемъ разговора, этого великаго воспитательнаго средства, этого лучшаго способа расширенiя умственнаго кругозора.

Идеальное общество состоитъ изъ людей, понимающихъ другъ друга, умѣющихъ и желающихъ разговаривать другъ съ другомъ. Отъ умѣнья хозяйки дома зависитъ подобрать соотвѣтствующихъ людей для такого общества и сгруппировать ихъ соотвѣтствующимъ образомъ.

Вотъ графическiя изображенiя различныхъ обществъ взятыя изъ одного американскаго журнала:

Фиг. 1. изображаетъ кружокъ людей невѣжливыхъ, въ которомъ разговоръ ведется отдѣльными парами, не обращающими никакого вниманiя на другихъ, тутъ же присутствующихъ.

На фиг. 2 представленъ кружокъ, въ которомъ двое или трое болтаютъ безъ умолку, не давая остальнымъ выговорить ни одного слова.

Фиг. 3 представляетъ кружокъ, разбившійся на двѣ враждебныя другъ другу половины, изъ коихъ каждая ведетъ свой отдѣльный разговоръ.

Фиг. 4 представляетъ кружокъ людей, изъ коихъ каждый желалъ бы завязать общій разговоръ, но не умѣетъ ничего сдѣлать, и потому всѣ говорятъ отрывистыя фразы, не вызывающія отклика въ другихъ собесѣдникахъ.

На фиг. 5 имѣемъ кружокъ людей, занятыхъ только сами собою, говорящихъ много и громко, но другъ друга не слушающихъ.

Фиг. 6 представляетъ идеальный кружокъ, къ образованію котораго должна стремиться всякая хорошая хозяйка.

Фиг. 7—кружокъ апатическій: всѣ молчатъ.

Глава II. **Что значитъ разговаривать?**

Разговоръ, какъ удачно выразился одинъ англійскій писатель, есть родъ мѣновой торговли: мы даемъ одно и получаемъ за это другое, по возможности равноцѣнное.

Если изъ двухъ собесѣдниковъ только одинъ даетъ, а другой все получаетъ или отдѣлывается незначительными цѣнностями, въ родѣ „да“ и „нѣтъ“, то бесѣда гаснетъ, не будучи поддерживаема, а если не гаснетъ, то получается не бесѣда, а преподаваніе или допросъ.

Правда, есть разные характеры. Иной по преимуществу — *слушатель*: онъ любитъ послушать молча, охочъ подумать чужими мозгами, лѣниво повторяя въ своей головѣ чужой умственный процессъ; флегматикъ по темпераменту, онъ старается замолчать при первой къ тому возможности и ужъ не скоро послѣ этого снова раскроетъ ротъ: этотъ любитъ *получать*, а не давать. Другой наоборотъ — словоохотливъ, *говорокъ*; онъ не можетъ долго слѣдить за чужой мыслью; сангвиникъ по темпераменту, онъ при первой возможности врывается въ вашу рѣчь и уже не дастъ вамъ больше говорить, боясь, какъ бы его опять не заставили слушать: этотъ любитъ *давать*, а не получать.

И тотъ и другой плохіе собесѣдники. Для того, чтобы бесѣда носила ровный, пріятный характеръ, она должна быть именно мѣновой торговлей: каждый изъ собесѣдниковъ долженъ и давать

и получать, говорящій и слушающій должны постоянно мѣняться ролями, чередоваться.

Впрочемъ, было-бы жестокой ошибкой думать, что разговоръ есть только обмѣнъ мыслей. Скорѣй можно было-бы сказать, разговоръ есть обмѣнъ симпатій. Часто самый процессъ разговора, близость къ извѣстному лицу, его взоры, мины, жесты, поза насъ интересуютъ несравненно болѣе, нежели смыслъ произносимыхъ имъ словъ, можетъ быть, пустыхъ и банальныхъ, но изъ его устъ имѣющихъ лично для насъ особенный, глубокій интересъ. Молчаніе иногда краснорѣчивѣе словъ. Мало того, слова могутъ иногда мѣшать обмѣну симпатій, могутъ вносить извѣстную ложь въ глубокую истину молчанія, ибо самыя сильныя, самыя интенсивныя чувства нейдутъ въ слова.

Вотъ напримѣръ, какъ одинъ писатель, отличающійся глубиной и точностью психологическаго анализа (Герценъ), описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ свиданіе съ предметомъ любви послѣ долгой, насильственной разлуки:

„Она взошла, вся въ бѣломъ, ослѣпительно прекрасна; три года разлуки и вынесенная борьба окончили черты и выраженіе. „Это ты“, сказала она своимъ тихимъ, кроткимъ голосомъ.

Мы сѣли на диванъ и молчали.

Выраженіе счастія въ ея глазахъ доходило до страданія. Должно быть, чувство радости, доведенное до высшей степени, смѣшивается съ выраженіемъ боли, потому что и она мнѣ сказала: „какой у тебя измученный видъ“.

Я держалъ ея руку, на другую она облокотилась, и намъ нечего было другъ другу сказать... короткія фразы, два-три воспоминанія, слова изъ писемъ, пустыя замѣчанія объ Аркадіи, о гусарѣ, о Костинькѣ.

Потомъ вошла нянюшка, говоря, что пора, и я всталъ, не возражая, и она меня не останавливала: такая полнота была въ душѣ. Больше, меньше, короче, дольше, еще, все это исчезло передъ полнотой настоящаго“...

Обыкновенный разговоръ, конечно, ведется не такъ, а болѣе или менѣе связной рѣчью.

Какъ поддерживается разговоръ? Разговоръ поддерживается критикой. Можно даже сказать, что разговоръ — это взаимная критика, взаимное опроверженіе или подтвержденіе, взаимное исправленіе мнѣній. При критическомъ направленіи разговора мысли обоихъ собесѣдниковъ исправляются, углубляются, принимаютъ надлежащее направленіе. „Du choc des opinions jaillit la vérité“—„изъ столкновенія мнѣній вытекаетъ истина“,—говоритъ французская поговорка. И не только истина вытекаетъ, но еще появляются совершенно новыя, не думанныя ранѣе мысли, какъ изъ столкновенія двухъ тѣлъ появляются искры. Только

такой разговоръ плодотворенъ, только такой разговоръ достоинъ мыслящихъ людей.

Впрочемъ, разговорные какъ и журнальные критики бываютъ двухъ родовъ: одинъ отрицаетъ все, что только можно отрицать, а другой подтверждаетъ все, что только можно подтвердить; одинъ видитъ только одно худое, а другой видитъ одно хорошее. Если журнальному критику можно вмѣнить въ обязанность видѣть и подчеркивать худое, если его прямое назначеніе — играть роль строгаго санитара въ литературѣ, то разговорному критику, пожалуй, эта роль не къ лицу. Съ такими критиками разговоръ переходитъ въ споръ, а зачастую, особенно въ низшихъ слояхъ, обмѣнъ мыслей переходитъ въ... обмѣнъ дѣйствій. Помните—у Некрасова?

Забрало пуще прежняго
Задорныхъ мужиковъ;
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцѣпятся
Другъ другу въ волоса...
Гляди—ужъ и вцѣпилися...
Романъ тузитъ Пахомушку,
Демьянъ тузитъ Луку,
А два братана Губины
Утюжатъ Прова дюжаго,
И всякъ свое кричитъ.

Съ другой стороны крайняя деликатность къ собесѣднику можетъ перейти въ фальшь, почти въ лесть. Вотъ какъ рисуетъ фальшиво-деликатный великосвѣтскій разговоръ Л. Толстой:

— Ну, здравствуйте, мой другъ, садитесь и разсказывайте,—сказала княгиня Софья Васильевна съ своей искусной, притворной, совершенно похожей на натуральную улыбкой...—Мнѣ говорятъ, что вы пріѣхали изъ суда въ очень мрачномъ настроеніи. Я думаю, что это очень тяжело для людей съ сердцемъ,—сказала она по французски.

— Да, это правда,—сказалъ Нехлюдовъ:—часто чувствуешь свою не... чувствуешь, что не имѣешь права судить..

— Comme c'est vrai,—какъ будто пораженная истинностью его замѣчанія, воскликнула она, какъ всегда искусно льстя своему собесѣднику.

— Ну, а что же ваша картина, она очень интересуетъ меня,—прибавила она,—если-бы не моя немощь, ужъ я давно бы была у васъ.

— Я совсѣмъ оставилъ ее,—сухо отвѣтилъ Нехлюдовъ, которому нынче неправдивость ея лести была также очевидна, какъ и скрываемая ею старость. Онъ никакъ не могъ настроить себя, чтобы быть любезнымъ.

— Напрасно! Вы знаете, мнѣ сказалъ самъ Рѣпинъ, что у него положительный талантъ,—сказала она, обращаясь къ Колосову.

„Какъ не совѣстно такъ врать", хмурясь, думалъ Нехлюдовъ.

Убѣдившись, что Нехлюдовъ не въ духѣ, и нельзя его вовлечь въ пріятный

и умный разговоръ, Софья Васильевна обратилась къ Колосову съ вопросомъ объ его мнѣніи о новой драмѣ такимъ тономъ, какъ будто это мнѣніе Колосова должно было рѣшить всякія сомнѣнія, и каждое слово этого мнѣнія должно быть увѣковѣчено. Колосовъ осуждалъ драму и высказывалъ по этому случаю свои сужденія объ искусствѣ. Княгиня Софья Васильевна поражалась вѣрностью его сужденій, пыталась защищать автора драмы, но тотчасъ же сдавалась или находила среднее.

Слишкомъ придирчивый критикъ довольно несносенъ въ разговорѣ. Снисходительность въ обществѣ болѣе умѣстна, нежели придирчивость. Хвалить не значитъ еще льстить, какъ видѣть у собесѣдника однѣ свѣтлыя стороны, умалчивая о темныхъ, не значитъ еще лгать. Хвала же и сочувствіе необходимы въ самыхъ лучшихъ, дружескихъ и простыхъ отношеніяхъ, какъ подмазка необходима для колесъ. Вообще, чтобы дѣло не доходило до спора, не слѣдуетъ пускаться въ разговоръ съ человѣкомъ, образъ мыслей котораго значительно отличается отъ нашего. Разговоръ интересенъ, когда онъ ведется между людьми одного и того же круга, одного и того же воспитанія. Когда собесѣдники говорятъ на одинаковомъ языкѣ, т. е. вполнѣ понимаютъ другъ друга, а если между ихъ точками зрѣнія имѣется еще небольшая разница, то разговоръ пріобрѣтаетъ не только пріятный для обоихъ, но и назидательный характеръ. Вотъ почему такъ пріятно разговаривать съ лицомъ другого пола изъ нашего же общества. Въ точкахъ зрѣнія мужчинъ и женщинъ, хотя бы одного и того же круга, всегда найдется тонкая разница. Разговоръ между ними никогда не потеряетъ характера свѣжести; тогда какъ разговоръ съ лицами одного пола часто теряетъ всякое значеніе послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ. Умный, задушевный разговоръ между мужчиной и женщиной, это—источникъ невыразимаго блаженства, особенно для женщины. Быть понятой, говорить что угодно, прямо выражать затаеннѣйшія мысли, имѣть возможность отбросить всю условную общественную ложь, которая давитъ и раздражаетъ ее, имѣть около себя человѣка, съ которымъ она можетъ быть совершенно откровенна, зная въ то же время, что ни одна іота изъ сказаннаго ею не будетъ плохо понята и ложно истолкована, а скорѣе будетъ прочувствована именно такъ, какъ она это чувствуетъ,—какъ сладко это для каждой женщины, и какъ мало мужчинъ, которые могутъ доставить ей эту сладость.

Для этого нуженъ особый даръ вызывать довѣріе, особый талантъ интимности, талантъ, въ которомъ гармонически сочетаются рѣдкій блескъ ума съ изысканнымъ тактомъ и тонкой симпа-

тичностью. Существуютъ мужчины, обладающіе этимъ талантомъ, и стоитъ женщинѣ познакомиться съ такимъ, чтобы черезъ полчаса она разсказала ему вещи, которыхъ никогда не разскажетъ ни брату, ни сестрѣ, ни матери, ни мужу, ни даже близкой подругѣ. Съ другой стороны, и мужчина ищетъ въ женщинѣ извѣстной отзывчивости, симпатіи сердца. Совершенная откровенность не только въ словахъ, но и въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, мужественная убѣжденность, полная искренность, — какая это чудная, притягательная сила въ женщинѣ, и какъ часто она, подъ вліяніемъ ложнаго воспитанія, пренебрегаетъ ею.

Старыя, опытныя кокетки это знаютъ по инстинкту и ловко симулируютъ указанныя качества, желая понравиться собесѣднику.

Вглядитесь, напримѣръ, въ типъ Маріэтъ, такъ геніально очерченный Л. Толстымъ въ „Воскресеніи“:

Нехлюдовъ поздоровался и присѣлъ къ нимъ. И только что онъ хотѣлъ осудить Mariette за ея легкомысліе, какъ она, замѣтивъ серьезное и чуть-чуть недовольное выраженіе его лица, тотчасъ же, чтобы понравиться ему, измѣнила не только выраженіе своего лица, но все свое душевное настроеніе. Она вдругъ стала серьезной, недовольной своей жизнью, и, чего то ищущая, къ чему то стремящаяся, не то, что притворилась, а дѣйствительно усвоила себѣ точно то самое душевное настроеніе,—хотя она словами никакъ не могла бы выразить, въ чемъ оно состояло,—въ какомъ былъ Нехлюдовъ въ эту минуту.

Она спросила его, какъ онъ окончилъ свои дѣла. Онъ разсказалъ про неуспѣхъ въ сенатѣ и про свою встрѣчу съ Селенинымъ.

— Что же, неужели и онъ былъ за отказъ?—спросила она съ искреннимъ сочувствіемъ.—Это ужасно, какъ мнѣ ее жалко! прибавила она вздыхая.

Онъ нахмурился и, желая перемѣнить разговоръ, началъ говорить о Шустовой, содержавшейся въ крѣпости и выпущенной по ея ходатайству. Онъ поблагодарилъ за ходатайство передъ мужемъ и хотѣлъ сказать о томъ, какъ ужасно думать, что женщина эта и вся семья ея страдали только потому, что никто не напомнилъ о нихъ, но она не дала ему договорить, и сама выразила свое негодованіе.

— Не говорите мнѣ,—сказала она. Какъ только мужъ сказалъ мнѣ, что ее можно выпустить, меня именно поразила эта мысль. За что же держали ее, если она не виновна?—высказала она то, что хотѣлъ сказать Нехлюдовъ.— Это возмутительно, возмутительно!

Графиня Екатерина Ивановна видѣла, что Mariette кокетничаетъ съ племянникомъ, и это забавляло ее...

— Напойте его чаемъ, Mariette—сказала графиня, уходя своимъ быстрымъ вертлявымъ шагомъ къ залу.

Mariette сняла перчатку...

— Хотите?—сказала она, берясь за серебряный чайникъ... Лицо ея сдѣлалось серьезно и грустно.

— Мнѣ всегда ужасно, ужасно, и больно бываетъ думать, что люди, мнѣніемъ которыхъ я дорожу, смѣшиваютъ меня съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ я нахожусь.

Она какъ будто готова была заплакать, говоря послѣднія слова... Нехлюдовъ смотрѣлъ на нее молча и не могъ оторвать глазъ отъ ея лица.

— Вы думаете, что я не понимаю васъ и всего, что въ васъ происходитъ. Вѣдь то, что вы сдѣлали, всѣмъ извѣстно. И я восхищаюсь этимъ и одобряю васъ.

— Право, нечѣмъ восхищаться, я такъ мало еще сдѣлалъ.

— Это все равно. Я понимаю ваши чувства... ну хорошо, хорошо, я не буду говорить объ этомъ,—перебила она себя, замѣтивъ на его лицѣ неудовольствіе. Но я понимаю еще и то, что увидѣвъ всѣ страданія, весь ужасъ того, что дѣлается въ тюрьмахъ,—говорила Mariette, желая только одного,—привлечь его къ себѣ, своимъ женскимъ чутьемъ угадывая все то, что было ему важно и дорого:—вы хотите помочь страдающимъ такъ ужасно, такъ ужасно отъ людей, отъ равнодушія, жестокости.. Я понимаю, какъ можно отдать за это жизнь, и сама бы отдала. Но у каждаго своя судьба...

— Развѣ вы недовольны своей?

Я?—спросила она, какъ будто пораженная удивленіемъ, что можно объ этомъ спрашивать.—Я *должна* быть довольна, и довольна. Но есть червякъ, который просыпается...

— И ему не надо давать засыпать, надо вѣрить этому голосу—сказалъ Нехлюдовъ, совершенно поддавшись ея обману.

Потомъ много разъ Нехлюдовъ со стыдомъ вспоминалъ весь свой разговоръ съ ней: вспоминалъ ея, не столько лживыя, сколько поддѣльныя подъ него слова и то лицо будто-бы умиленнаго вниманія, съ которымъ она слушала его.. Когда графиня вернулась, они разговаривали, какъ не только старые, но исключительные друзья, одни понимавшіе другъ друга среди толпы, не понимавшей ихъ.

Только что выписанная страница изъ Толстого, несомнѣнно принадлежащая къ лучшимъ страницамъ «Воскресенія», естественно наводитъ на тему о флиртѣ.

Флиртъ (или какъ теперь стали произносить это слово на англійскій манеръ: флёртъ) есть уже злоупотребленіе пріятностью разговора между мужчиною и женщиной. Разговаривать пріятно по многимъ причинамъ, а мыслей, обмѣнъ коихъ и составляетъ разговоръ, въ головѣ маловато. Вотъ умственная голь и пустилась на хитрость или, вѣрнѣе, самообманъ: придумали своеобразную забаву, имѣющую всѣ признаки разговора и въ то же время не требующую отъ разговаривающихъ никакихъ идей. Флиртъ—это кокетство языкомъ, удовлетвореніе выдуманной, искусственной чувственности, игра въ любовь, не всегда кончающаяся благополучно для флиртующихъ. По нашему мнѣнію, старыя игры: танцы, пѣсни, фанты, куда невиннѣе, здоровѣе и безопаснѣе, если не содержательнѣе флирта.

Но возвратимся къ настоящему, здравому разговору. Можно-ли и должно-ли подготовляться къ разговору? Нѣтъ. Отправляясь въ общество, я знаю, что я могу сообщить другимъ, могу, по-

жалуй, догадаться, что мнѣ сообщитъ то или другое лицо, съ которымъ встрѣчусь, но рѣшительно не знаю, какой оборотъ приметъ нашъ разговоръ, о чемъ мы будемъ разговаривать. Вѣдь разговоръ — это громкое мышленіе въ присутствіе собесѣдника, отъ котораго мы ждемъ и суда и поддержки. Разговоръ хорошъ, когда онъ является экспромтомъ для обоихъ собесѣдниковъ, когда оба въ одинаковой степени къ нему не подготовлены и совмѣстно ищутъ истины. Только въ этомъ случаѣ бесѣда не рискуетъ перейти въ споръ.

Разговоръ питается мимолетными впечатлѣніями, случайными мыслями, пришедшими намъ въ голову во время самаго разговора. Разумѣется, чѣмъ больше мы вообще думали о разныхъ вещахъ до данной бесѣды, чѣмъ больше мы имѣемъ опыта и знаній, иначе говоря, чѣмъ болѣе мы развиты и образованны, тѣмъ болѣе мы приготовлены ко всякому разговору.

Глава III. О чемъ разговаривать?

Одного отличнаго собесѣдника спросили:

— Почему это съ вами разговаривать интересно?

— Я говорю только о томъ, что знаю; если же чего не знаю, то объ этомъ молчу и стараюсь навести разговоръ на то, что мнѣ хорошо извѣстно.

Въ этомъ весь секретъ пріятнаго разговора: *говори о томъ, что знаешь*.

Дѣтямъ съ малыхъ лѣтъ внушаютъ мысль, что-де неприлично въ обществѣ говорить о самомъ себѣ. Мотивируется это тѣмъ, что человѣкъ, говорящій о себѣ, — или хвалитъ себя, что есть тщеславіе, или себя порицаетъ, что есть самооплеваніе. Такъ какъ то и другое обнаруживаетъ въ говорящемъ умственную ограниченность, то они одинаково непріятны для слушателя. По моему, это правило не выдерживаетъ критики. О чемъ же говорить, коли не о себѣ? Что я лучше знаю, нежели себя, и о комъ могу я разсказать больше интересныхъ подробностей, нежели о самомъ себѣ, о своихъ впечатлѣніяхъ и опытахъ, о своемъ туалетѣ и своей кухнѣ.

«Человѣкъ любитъ касаться тончайшихъ волоконъ чужого сердца и прислушиваться къ его біенію... онъ сравниваетъ, онъ свѣряетъ, онъ ищетъ подтвержденій, сочувствія, оправданія». И этого удовольствія хотятъ лишить его сухіе педанты только потому, что среди говорящихъ о себѣ имѣются бахвалы и плаксы.

Какъ будто деньги теряютъ свою цѣнность оттого, что имѣются и фальшивыя монеты!

Правда, люди, вѣчно недовольные собой или самодовольно хвастающіе своей особой, не суть самые пріятные собесѣдники. Благородный характеръ рѣдко плачется на свою судьбу, особенно при постороннемъ. Дѣлаетъ это обыкновенно черствый эгоистъ, ставящій свою персону центромъ міра и смотрящій на окружающихъ людей (можетъ быть, болѣе, чѣмъ онъ, несчастныхъ), какъ на нечувствующихъ манекеновъ, до которыхъ ему нѣтъ никакого дѣла; онъ все свое вниманіе обращаетъ на свою драгоцѣнную особу. Отсюда у него и повышенная чувствительность ко всякаго рода неудачамъ, и постоянное хныканіе на свою судьбу, иногда даже желаніе хвастнуть безмѣрностью своего несчастія.

Бахвалъ—тотъ же эгоистъ, но въ другомъ родѣ. Онъ хочетъ возбудить въ слушателяхъ зависть или высокое мнѣніе о себѣ, о своихъ достоинствахъ, о своемъ постоянномъ счастьѣ [1]). Бахвалъ оскорбляетъ своихъ слушателей. Хвастать счастьемъ, положеніемъ, богатствомъ, оскорбительнѣе, нежели хвастать достоинствами. Чѣмъ болѣе человѣкъ старается вызвать въ слушателяхъ уваженіе къ себѣ, тѣмъ менѣе онъ его получаетъ: онъ только показываетъ, что уваженіемъ еще не пользуется. Самодовольство вообще—признакъ глупости. Оно чаще всего возникаетъ изъ незнанія. Человѣкъ, который не въ состояніи видѣть чужихъ совершенствъ, весьма доволенъ собственной посредственностью. Это—«счастье дураковъ».

Хныканія, какъ и бахвальства, должно, конечно, избѣгать, но въ промежуткѣ между этими крайностями лежитъ широкая область всякихъ темъ для разговора о самомъ себѣ, которыя не только не подлежитъ порицанію, но прямо должны рекомендоваться. Говоря о самомъ себѣ, раскрывая предъ собесѣдникомъ то, что иначе оставалось бы для него скрытымъ, вы этимъ самымъ вызываете и его на разговоръ о самомъ себѣ, требуете отъ него равноцѣнности. Бесѣда пріобрѣтаетъ задушевный, назидательный

[1]) Въ пользу бахвальства (не въ оправданіе, а какъ смягчающее или, вѣрнѣе, нѣсколько искупающее вину обстоятельство) можно привести слѣдующее: оно пришпориваетъ человѣка, заставляетъ его работать. Человѣкъ сочинилъ, что онъ сдѣлалъ то-то, что онъ работаетъ надъ тѣмъ-то: дабы не оказаться лжецомъ, онъ долженъ привести свои слова въ исполненіе. Для людей съ слабой волей хвастовство играетъ такую же роль, какъ обѣты, зароки. И слава Богу!

характеръ, каждый изъ собесѣдниковъ чувствуетъ себя ею болѣе или менѣе удовлетвореннымъ.

Другое заблужденіе, также внушаемое въ дѣтствѣ, состоитъ въ наставленіи не разговаривать о лицахъ. Конечно, разговаривать о присутствующихъ неумно и неприлично, но говорить о чьихъ нибудь друзьяхъ еще не значитъ говорить о нихъ дурное съ цѣлью поссорить ихъ съ собесѣдникомъ или вообще посплетничать,— еще не значитъ неискренно хвалить въ увѣренности, что ваша похвала будетъ имъ передана. Почему же не сказать: *говори о комъ хочешь, но говори разумно и благожелательно*. Мнѣніе, выраженное словами: «N. конечно, хорошій человѣкъ, но какъ ораторъ едва-ли достигнетъ извѣстности», не станетъ шокировать и лучшихъ его друзей.

Изъ всего сказаннаго отнюдь не слѣдуетъ, что бесѣды о самомъ себѣ и о лицахъ должны быть единственными родами разговора. Мы даже сдѣлаемъ уступку педантамъ, сказавъ, что въ виду соблазна, представляемаго этими темами въ смыслѣ уклоненія въ отрицательную сторону, при наличности нѣсколькихъ темъ предпочтеніе должно бытъ отдаваемо не имъ. Впрочемъ, выборъ темъ, какъ уже выше замѣчено, не есть дѣло свободной воли разговаривающихъ.

Для хорошаго собесѣдника не должно существовать хорошихъ или дурныхъ темъ. Всѣ темы должны быть для него хороши, всякую онъ обязанъ привести въ живое отношеніе къ тому лицу, съ которымъ онъ разговариваетъ. Ибо тема не столь важна, какъ ея обработка.

Хорошій собесѣдникъ не терпитъ скучнаго или незначительнаго, избѣгаетъ общеизвѣстныхъ, особенно—изъ газетъ вычитанныхъ истинъ, онъ чувствуетъ въ каждомъ вопросѣ, какая сторона его представляетъ для собесѣдника наибольшій интересъ въ данное время и при даныхъ обстоятельствахъ, онъ всегда стоитъ на почвѣ дѣйствительности и не уклоняется въ сторону безпочвенныхъ фантазій, онъ соразмѣряетъ размахъ своей мысли съ настроеніемъ собесѣдника. Онъ никогда не позволитъ себѣ высказывать собственныя дилеттантскія мысли о какомъ-либо предметѣ, знатокомъ котораго является его собесѣдникъ. Онъ не позволитъ себѣ пуститься въ такія подробности, которыя не представляютъ никакого интереса для слушателя. Онъ не одностороненъ. Онъ отзывчивъ на всякую мысль собесѣдника.

Онъ не только слушаетъ внимательно, онъ изучаетъ своего собесѣдника; замѣчаетъ незначительнѣйшія измѣненія на лицѣ

его, видитъ, когда глазъ его становится безучастнымъ къ предмету разговора, и когда онъ вспыхиваетъ интересомъ къ разсказываемому, когда губы нервно закусываются, точно онъ испытываетъ нестерпимую боль, когда пальцы начинаютъ нетерпѣливо барабанить по столу, до чего, впрочемъ, хорошій собесѣдникъ никогда не допуститъ.

Но самое драгоцѣнное его качество это то, что онъ и *даетъ* и *получаетъ*: онъ доставляетъ собесѣднику своему возможность возразить, внимательно выслушиваетъ это возраженіе и не изводитъ его ни упорнымъ молчаніемъ, ни безостановочною рѣчью.

Вопросъ, о чемъ разговаривать, тѣсно связанъ съ вопросомъ о тактѣ. *Тактъ*—латинское слово и значитъ: „прикосновеніе". „Прикосновеніе" должно быть безболѣзненное, деликатное: въ этомъ вся задача такта. „Коснуться" грубо, жестко—не хорошо, „коснуться" слабо—останется безъ дѣйствія. Тактичный человѣкъ умѣетъ быстро, почти инстиктивно угадать золотую середину, оцѣнить положеніе и поступить сообразно обстоятельствамъ.

Истинный тактъ заключается не во внѣшнихъ манерахъ, а во внутреннемъ чувствѣ. Такту выучиться трудно. Эта способность должна быть природной; она развивается путемъ долговременнаго, въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, упражненія, долговременнаго наблюденія за собою и другими. Тактичный человѣкъ nascitur, non fit.

Если разобрать, что такое тактъ въ разговорѣ, то увидимъ, что онъ главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что человѣкъ умѣетъ ставить себя на мѣсто собесѣдника, умѣетъ забывать о томъ, что тотъ старается скрыть, и наоборотъ помнить и говорить лишь то, что тотъ желалъ-бы знать. Тактичный человѣкъ никогда не скажетъ чего-либо такого, что его собесѣдникъ можетъ принять на свой счетъ, онъ никогда не поставитъ такого вопроса, на который отвѣтить собесѣднику непріятно. Наоборотъ, онъ еще съ большей или меньшей непринужденностью выведетъ собесѣдника изъ затрудительнаго положенія, въ которое тотъ случайно попалъ благодаря своему же неудачному обороту рѣчи.

Тактичный человѣкъ не станетъ фамильярничать съ собесѣдникомъ, когда это можетъ быть непріятно послѣднему. Вообще, „тактичный" это синонимъ благовоспитаннаго, вѣжливаго, внимательнаго, обходительнаго, свѣтскаго человѣка.

„Въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ",—вотъ пословица, кратко формулирующая требованія такта. Въ разговорѣ

нельзя упоминать ничего такого, что можетъ навести собесѣдника на мысль о своемъ несчастіи. Замѣчаніе, совершенно невинное само по себѣ, можетъ оказаться безтактнымъ по отношенію къ данному лицу и при данныхъ обстоятельствахъ.

Особенно много такту и деликатности требуется въ сношеніяхъ съ людьми, обиженными судьбой, съ больными, неудачниками и т. п. У этихъ людей подъ вліяніемъ несчастій чрезвычайно развита чувствительность ко всякимъ „прикосновеніямъ“.

Вы пришли провѣдать больного и предлагаете ему вопросъ: „чувствуете-ли вы себя лучше“? или, если вы къ нему близки: „какъ вы провели ночь?“. Казалось-бы, вопросъ совершенно невинный, а между тѣмъ если больной не чувствуетъ себя лучше, или провелъ ночь нехорошо, то вашъ вопросъ окажется не тактичнымъ, такъ какъ вызываетъ непріятное воспоминаніе о плохо проведенной ночи или непріятную мысль объ ухудшеніи въ ходѣ болѣзни.

Конечно, здѣсь еще необходимо считаться съ характеромъ больного. Иной щеголяетъ своими болѣзнями: вы ему нанесете величайшую обиду, на минуту допустивъ, что онъ чувствуетъ себя лучше, что онъ не испытываетъ величайшихъ мукъ, когда либо выпадавшихъ на долю человѣка, и что онъ не приговоренъ всѣми врачами къ неминуемой смерти.

По тѣмъ же причинамъ требуется не мало такту и при разговорѣ съ лицомъ, сообщившимъ вамъ по дружбѣ какой нибудь секретъ. Вы не только не должны его повторять, вы не должны въ разговорѣ съ нимъ показывать виду, что помните этотъ секретъ.

Глава IV. Какъ и когда разговаривать?

Естественный способъ рѣчи, обращающейся не къ чувствамъ, а къ мысли, рѣчи, имѣющей цѣлью сообщать, убѣждать или разубѣждать—есть простая ясная проза. Такъ какъ къ разговору не приготовляются, то и проза, которою разговариваютъ, должна быть безыскусственна. Разговоръ, ведущійся книжнымъ стилемъ, оставляетъ непріятное впечатлѣніе чего то искусственнаго, неискренняго. Въ разговорѣ долженъ преобладать стиль разговорный съ нѣкоторыми, подсказываемыми тактомъ, уклоненіями, въ зависимости отъ темы и отношенія собесѣдниковъ между собою. Только грубыя, „несалонныя“ выраженія не должны допускаться ни

въ какомъ случаѣ, ибо они предполагаютъ не столько интимную близость къ собесѣднику, сколько полное къ нему неуваженіе.

Такъ какъ люди встрѣчаются чаще для развлеченія, нежели для разрѣшенія сложныхъ философскихъ проблемъ, то въ разговорѣ обыкновенно преобладаетъ легкій, шутливый, веселый тонъ. Шутка, остроты и смѣхъ—необходимыя принадлежности пріятнаго разговора [1]). Къ сожалѣнію, остроуміе—качество довольно рѣдкое среди людей. Большинство же пробавляется въ обществѣ болѣе или менѣе смѣхотворными анекдотами, вычитанными или слышанными. Это не только не можетъ замѣнить природнаго остроумія, но иногда и прямо неумѣстно, ибо читанное и слышанное вами могло быть прочитано и услышано и вашимъ собесѣдникомъ. Пушкинъ еще сказалъ: „повторенное острое слово становится глупостью".

Но и съ природнымъ остроуміемъ нужно знать, когда и гдѣ шутить. Шутка, даже хорошая сама по себѣ, хороша далеко не всегда, не вездѣ и не у всякаго разсказчика.

Хорошую шутку нужно еще разсказать умѣючи, чтобы произвести желаемое дѣйствіе. Самодовольно хохочущій [2]) своей шуткѣ разсказчикъ имѣетъ довольно глупый видъ, особенно, когда его смѣхъ не поддерживается слушателями или поддерживается въ слабой степени, какъ дань вѣжливости.

Шутка должна входить въ разговоръ только какъ приправа, коль соль, отнюдь не составляя все содержаніе его. Разумъ человѣка сказывается не въ остроумномъ, а въ серьезномъ, которое поэтому приноситъ болѣе чести, нежели первое. Кто постоянно шутитъ, рѣдко способенъ на серьезное дѣло. Онъ подобенъ лжецу въ томъ отношеніи, что ему тоже не вѣрятъ;

---

[1]) Остроумный человѣкъ умѣетъ быстро находить сходныя стороны въ разнородныхъ предметахъ или явленіяхъ, и наоборотъ различія—въ предметахъ или явленіяхъ однородныхъ. Чѣмъ неожиданнѣе и ярче указанное имъ сходство или различіе, тѣмъ оно окажется остроумнѣе. Въ „*Искусствѣ острить*", представляющемъ шестой выпускъ „Даръ Слова", мы даемъ подробное опредѣленіе остроумія, его основаній и цѣлей, а также разбираемъ всѣ виды русскаго остроумія, какъ игру звуковъ, игру словъ, игру мыслей, игру съ незнаніемъ и друг. Это—первый опытъ систематизаціи предмета на русскомъ языкѣ.

[2]) Вообще громкій, неудержимый по малѣйшему поводу хохотъ—признакъ ребенка или дурака. Однако извѣстны примѣры очень умныхъ людей (Бальзакъ, Вл. Соловьевъ), которые громко, по дѣтски хохотали по малѣйшему поводу.

у того подозрѣваютъ ложь, у него шутку. Иные достигаютъ репутаціи остроумныхъ головъ, теряя при этомъ репутацію умныхъ людей. Я знаю много веселыхъ, остроумныхъ людей, ходящихъ безъ сапогъ именно потому, что они не производятъ впечатлѣнія людей дѣловыхъ. И наоборотъ, я знаю много посредственностей, которымъ охотно довѣряютъ дѣла, именно полагаясь на ихъ внѣшнюю серьезность, молчаливость. А умнѣе-ли послѣдніе первыхъ,—большой вопросъ.

Веселый, жизнерадостный характеръ—даръ Божій. Онъ переходитъ въ порокъ лишь тогда, когда мы преступаемъ границы умѣренности. Великіе люди тоже иногда шутятъ, и этимъ еще увеличиваютъ къ себѣ любовь окружающихъ. Однако они никогда не теряютъ изъ виду указаній разума и приличія. Болѣе того, иногда шутка необходима: благодаря ей можно выйти самымъ крайтчайшимъ путемъ изъ затрудненія. Ибо существуютъ вещи, которыя должны быть принимаемы за шутки, хотя онѣ сказаны весьма серьезно. Мы этимъ обнаруживаемъ миролюбіе, доброжелательство, всегда привлекающее сердца.

Мы уже выше говорили, что разговаривать значитъ получать и давать; говорящій и слушающій постоянно мѣняются ролями. Нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ разговаривать съ человѣкомъ, неумѣющимъ слушать, неумѣющимъ сосредоточиться на излагаемомъ вами и сгорающимъ нетерпѣніемъ отвѣтить, возразить. Лишь только въ его головѣ промелькнуло подобіе возраженія, онъ не слушаетъ васъ долѣе, потому что боится забыть пришедщую ему въ голову мысль, онъ перебиваетъ васъ, совершенно забывая, что вноситъ этимъ безпорядокъ въ ходъ разговора. Это самые непріятные и самые безполезные собесѣдники. Разговоръ съ ними никогда не приводитъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. У нихъ непрочная память и недисциплинированное мышленіе.

Память—великое дѣло въ искусствѣ разговаривать. Человѣкъ съ слабой памятью—плохой слушатель именно потому, что, боясь забыть свою мысль, спѣшитъ возражать. Онъ часто повторяется и этимъ производитъ впечатлѣніе человѣка ограниченнаго. Къ концу рѣчи онъ обыкновенно забываетъ, съ чего началъ, и по неволѣ ударяется въ безцѣльную болтовню, не безъ задней мысли—набрести на забытую тему.

Насколько несносенъ плохой слушатель, настолько неоцѣнимъ человѣкъ, умѣющій слушать. Разговоръ только тогда пріятенъ

для обоихъ собесѣдниковъ и приводитъ къ тѣмъ или другимъ результататъ, когда они выслушиваютъ и понимаютъ другъ друга и сообразно съ этимъ отвѣчаютъ, послѣдовательно и логично. Въ то время, какъ одинъ говоритъ, дѣло другого слушать и только слушать; обдумывать свой отвѣтъ онъ долженъ лишь послѣ того, какъ первый кончилъ; отвѣтъ, отдѣленный отъ вопроса паузой обдумыванія, пріобрѣтаетъ особый вѣсъ.

Конечно, и говорящій не долженъ злоупотреблять молчаніемъ собесѣдника. Онъ не долженъ говорить безъ конца и наговорить съ три короба такъ, чтобы ни одна память человѣческая не въ состояніи была удержать всего имъ сказаннаго, не то что разобраться въ этомъ. Пусть каждый изъ собесѣдниковъ высказываетъ за разъ не все, что онъ знаетъ, а лишь одну, много двѣ мысли, пусть онъ выкладываетъ не всѣ имѣющіеся у него доводы въ пользу своего положенія, а пару самыхъ главныхъ и ждетъ отвѣта отъ собесѣдника. Можетъ быть, въ его дальнѣйшихъ доводахъ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ собесѣдникъ съ нимъ вполнѣ согласенъ, и онъ ломится въ открытую дверь; можетъ быть, собесѣдникъ эти доводы самъ знаетъ и имѣетъ противъ нихъ неопровержимыя возраженія. Кромѣ того, не нужно забывать, что „le secret pour être ennuyeux c'est de tout dire", — „секретъ, чтобы быть скучнымъ: все сказать". Только при постепенномъ развитіи разговора въ отвѣтахъ и репликахъ, бесѣда пріобрѣтаетъ ровный характеръ и ведетъ къ положительнымъ результатамъ.

Нагроможденія доводовъ должно избѣгать еще и по слѣдующей причинѣ. Иные спорщики, какъ будетъ указано ниже, въ главѣ объ искусствѣ спорить, видя неизбѣжность пораженія стараются перенести споръ на другую почву. Съ этой цѣлью они придираются ко всякому болѣе или менѣе спорному доводу или положенію противника, и заставляютъ доказывать его. Слѣдовательно, чѣмъ менѣе доводовъ вы выскажете, тѣмъ менѣе вы дадите поводовъ вашему собесѣднику прибѣгать къ указанной уловкѣ [1]).

Вѣжливость—необходимое условіе всякаго разговора. Она и признакъ и украшеніе благовоспитаннаго человѣка. Ошибка не-

[1]) Одного англійскаго адвоката спросили: чему онъ приписываетъ убѣдительность своихъ рѣчей?—„Я не привожу своихъ доводовъ",—былъ отвѣтъ. Если бы адвокатъ этотъ захотѣлъ въ данномъ случаѣ отступить отъ своего правила и прибавилъ бы, скажемъ: „ибо доказывать нужно лишь спорное;

вѣжъ часто заключается въ томъ, что они принимаютъ отрицательное качество невѣжливости за положительное качество рѣшительности и выдержки характера. Вѣжливый человѣкъ уважаетъ своего собесѣдника и этимъ самымъ требуетъ уваженія къ себѣ. На вѣжливость и отвѣчаютъ вѣжливостью.

Однако вѣжливость, услужливость по отношенію къ собесѣднику никогда не должна переходить въ подобострастіе. Никогда не теряйте уваженія къ себѣ, сознанія собственнаго достоинства. Не считайте другихъ въ сравненіи съ собой гигантами. Всѣ люди имѣютъ свои пороки, свои слабыя стороны: у одного онѣ въ головѣ, у другого въ сердцѣ. Обыкновенно люди кажутся великими только до перваго знакомства съ ними. Одного опытнаго человѣка спросили: какъ это онъ можетъ такъ смѣло говорить съ вельможею N., внушающимъ священный трепетъ всѣмъ окружающимъ?

— Когда я говорю съ нимъ, — былъ отвѣтъ, — я мысленно раздѣваю его: въ банѣ никто не страшенъ!..

Уваженіе къ собесѣднику требуетъ извѣстной довѣрчивости къ его словамъ. Нельзя въ разговорѣ употреблять такихъ оборотовъ какъ: „не можетъ быть“, „правда-ли?“ „ой-ли?“ и проч. Конечно, когда у васъ дойдетъ до дѣла, вы хорошенько взвѣсите, кто вамъ это сказалъ: серьезный человѣкъ, шутникъ или лжецъ, и поступите по собственному разумѣнію; но въ разговорѣ вы не должны подавать и виду, что не вѣрите собесѣднику, разъ онъ говоритъ серьезно. На этомъ же основаніи уважающій себя человѣкъ не допускаетъ и мысли, что его собесѣдникъ можетъ ему не вѣрить, и поэтому не клянется, не приводитъ доказательствъ.

Уваженіе къ собесѣднику требуется и въ самомъ поведеніи во время разговора, во внѣшнихъ манерахъ лицъ разговаривающихъ, въ позѣ, минахъ и жестахъ. Слишкомъ близкое разстояніе къ собесѣднику (несоблюденіе „приличной дистанціи“), орошеніе его брызгами при кашлѣ, чиханіи и свистящихъ согласныхъ, обвѣваніе его дыханіемъ или пусканіе ему дыма въ глаза —въ прямомъ смыслѣ этого выраженія, равно какъ держаніе его

истина въ доказательствахъ не нуждается“, — то его заставили бы доказать послѣднее положеніе, и возгорѣлся бы безконечный споръ, который несомнѣнно повредилъ бы убѣдительности его отвѣта, открывающаго именно своей неопредѣленностью широкое поле для всякихъ догадокъ.

за пуговицу, чтобъ онъ не убѣжалъ, фамильярные жесты и тому подобныя проявленія неуваженія должны быть, разумѣется, тщательно избѣгаемы. Если непріятна рѣчь слишкомъ громкая, угрожающая цѣлости вашей барабанной перепонки, то рѣчь слишкомъ тихая, заставляющая вашего собесѣдника постоянно переспрашивать,—истинная пытка, и при томъ пытка для обѣихъ сторонъ, такъ какъ и переспрашивать говорящаго и повторять сказанное —одинаково непріятно.

Мины,—игра мускуловъ на лицѣ, — вообще говоря, излишни. Правда, холодная неподвижность лица непріятна, какъ признакъ идіотизма. Но если человѣкъ не лишенъ разума, то его лицо безъ всякихъ минъ будетъ жизненно, разумно. Мина — очень опасный предатель, котораго должно всячески остерегаться. Чтобы по минѣ на нашемъ лицѣ прочитать вызванное у насъ впечатлѣніе, хотя бы мы старались спрятать его въ глубинѣ души, —для этого не нужно быть очень тонкимъ наблюдателемъ. Съ другой стороны, лицо обманываетъ гораздо чаще, чѣмъ мы объ этомъ догадываемся. Нужно быть очень наивнымъ человѣкомъ, чтобы всегда вѣрить этому „зеркалу души". Можно принять за правило: хорошая, радостная мина, любезная улыбка всегда желательна; непріятная, кислая гримаса, „рожа", какъ говоритъ городничій у Гоголя, никогда не жалательна, всегда отвратительна, даже если она „сдѣлана отъ добраго сердца", какъ въ „Ревизорѣ" [1]).

Что касается времени, наиболѣе удобнаго для разговора, то наилучшее время — состояніе полнаго физическаго и нравственнаго спокойствія. Лѣтомъ, при свѣтѣ солнца, внѣ дома, разговоръ не клеится: ужъ слишкомъ много работы доставляетъ существованіе. Однако, прогулка въ саду, особенно вечеромъ способствуетъ бесѣдѣ, пришпоривая мысль. Идеальное время для разговора — зимній вечеръ, прежде чѣмъ зажжены лампы, когда лица озарены краснымъ отблескомъ топящагося камина, когда мужчины покоятся въ своихъ креслахъ, а дамы бросаютъ работу. Тогда вы имѣете такой родъ разговора, гдѣ вы можете дозволять себѣ паузы, предоставляя огню заполнять ихъ.

---

[1]) Подробнѣе о минахъ и жестахъ мы говоримъ въ пятомъ выпускѣ „Дара Слова"

Глава V. О молчанiи.

„Слово серебро, молчанiе золото". „Молчанiе—золотое словечко". „Кто молчитъ, тотъ двухъ научитъ". „Кто молчитъ, — не грѣшитъ". „Языкъ мой—врагъ мой (прежде ума глаголетъ)". „Ѣшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ за зубами". „Языкъ до добра не доведетъ". „Язычекъ введетъ въ грѣшокъ". „Богъ далъ два уха, а одинъ языкъ". „Языце супостате, губителю мой!"

Списокъ пословицъ, прославляющихъ молчанiе можно бы продолжить до безконечности. Едва-ли что нибудь на свѣтѣ столь много восхвалялось во всѣ времена и на всѣхъ языкахъ, какъ молчанiе; но въ то же время едва-ли есть правило, которое во всѣ времена столь часто нарушалось, какъ правило о молчанiи. Оно вполнѣ естественно. Даръ слова составляетъ отличительную черту человѣка отъ животнаго, на немъ держится весь прогрессъ человѣчества, и отказаться отъ него, не значитъ-ли спуститься на ступень ниже по зоологической лѣстницѣ?

Мнѣ приходилось видѣть много людей молчаливыхъ, но это не были самые умные. Наоборотъ молчанiе очень часто скрываетъ подъ собой ограниченность, грубость или низость. Какъ собесѣдникъ, молчаливый человѣкъ гораздо нестерпимѣе болтливаго: послѣдняго вы можете какъ нибудь заставить перестать, съ первымъ же вы этого сдѣлать не можете, онъ никогда не перестанетъ. Онъ всюду приноситъ съ собою скуку; своимъ молчанiемъ, якобы серьезнымъ взглядомъ на вещи онъ въ качествѣ слушателя разстраиваетъ самую милую, непринужденную бесѣду. Онъ вредный членъ общества, трусъ, эгоистъ, любящiй получать, а не давать.

Конечно, это не значитъ, что должно удараться въ другую крайность: безъ умолку болтать. „Кстати промолчать, что большое слово сказать". Разумный человѣкъ соблюдаетъ середину. Онъ не считаетъ себя обязаннымъ во что бы то ни стало что нибудь сказать. Онъ молчитъ, когда ему говорить нечего. Онъ знаетъ, что неудачная рѣчь, неумѣстное замѣчанiе, непрошенный совѣтъ — вѣрнѣйшiе признаки отсутствiя такта. По этому поводу нельзя не припомнить изреченiя Iисуса сына Сирахова: „Иной молчитъ потому, что не имѣетъ, что отвѣчать; а иной молчитъ потому, что знаетъ время".

Руководствуйтесь указанiями такта при выборѣ между рѣчью и молчанiемъ, ибо самый выборъ — тонкая задача. Совершенно вѣрно говоритъ пословица: „говорить—бѣда, а молчать—другая".

Глава VI. Искусство приказывать, просить и отказывать.

Приказанія, просьбы и отказы — спеціальные виды разговора, требующіе болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Отдавая приказаніе, мы имѣемъ въ виду двѣ цѣли чтобы оно было *непремѣнно* исполнено, и чтобы оно было *точно* исполнено, т. е. въ полномъ объемѣ и въ разумѣемомъ нами смыслѣ. Этими двумя цѣлями опредѣляется характеръ приказанія. Все, что способствуетъ послушанію и точности со стороны получившаго приказъ, должно быть принимаемо къ свѣдѣнію и соблюденію, все, что ведетъ за собою непослушаніе и неточность, должно быть тщательно избѣгаемо.

Поэтому отдающій приказаніе долженъ прежде всего сообразоваться съ силами исполнителя. Нельзя требовать большаго, чѣмъ этотъ въ состояніи дать. Если напр. педагогъ потребуетъ отъ живого ребенка, чтобы онъ долгое время сидѣлъ неподвижно и ничѣмъ не выражалъ своихъ мыслей, то ему нечего удивляться, если ребенокъ окажется непослушнымъ: онъ потребовалъ отъ ребенка слишкомъ многаго. Также требуетъ слишкомъ многаго тотъ, кто издаетъ приказаніе за приказаніямъ, не давая исполнителю возможности проявить собственную волю. Такой властолюбивый „приказчикъ" неизбѣжно натыкается на систематическую оппозицію со стороны болѣе или менѣе сильныхъ натуръ. Людьми должно управлять такъ, чтобы они не чувствовали вожжей. Вызывать оппозицію, дразнить подчиненныхъ, создавать враждебное съ ихъ стороны отношеніе ко *всѣмъ* приказаніямъ — очень плохая политика. Нагроможденіе приказаній, вызывая въ подчиненномъ сомнѣніе въ ихъ цѣлесообразности, заставляетъ приписывать ихъ капризу, а какъ бы щедро вы ни оплачивали исполненіе капризовъ, какой бы великой отвѣтственностью вы ни обставляли неисполненіе ихъ, исполнитель никогда не отдѣлается отъ обидной мысли, что вы распоряжаетесь имъ какъ вещью, безвольной и неразумной. Едва-ли это способствуетъ послушанію, тому охотному, добровольному, радостному, не изъ-подъ палки, послушанію, къ которому долженъ стремиться всякій разумный начальникъ. Когда человѣкъ отдаетъ свои приказанія подъ вліяніемъ настроенія и каприза,—а это всегда случается съ властолюбивыми натурами,— то настоитъ опасность, что одни приказанія будутъ противорѣчить другимъ, что запрещенное вчера будетъ сегодня дозволено и наоборотъ. Это неизбѣжно влечетъ за собой

умаленіе престижа, выражающееся непослушаніемъ. Наконецъ, лицо, отдающее приказаніе, должно сообразоваться и съ другими условіями, въ которыя поставленъ его подчиненный. Если противорѣчатъ себѣ приказанія двухъ воспитателей, отца и матери, школы и семьи, то ребенокъ чаще всего не исполняетъ ни тѣхъ, ни другихъ приказаній, а идетъ собственнымъ, наиболѣе для него удобнымъ и выгоднымъ путемъ.

Точность исполненія зависитъ больше отъ приказывателя, чѣмъ отъ исполнителя. Кто хочетъ приказать, долженъ точно знать, чего онъ требуетъ; кому предстоитъ исполнять, не долженъ имѣть никакихъ сомнѣній относительно того, что именно отъ него требуется. Поэтому, съ одной стороны, приказыватель не долженъ въ своихъ приказахъ предполагать слишкомъ многаго разумѣющимся само собою, не долженъ быть слишкомъ краток, а съ другой—не долженъ слишкомъ подробнымъ перечисленіемъ деталей затемнять сущность своего приказанія. Онъ долженъ сообразоваться съ умственнымъ развитіемъ исполнителя, долженъ говорить его языкомъ. Если приказаніе не допускаетъ двусмысленнаго толкованія, то исполнитель будетъ гораздо меньше поддаваться соблазну что нибудь урвать въ свою пользу, чѣмъ если приказаніе выражено неясно, двусмысленно, общо.

Изложенными разсужденіями опредѣляется уже и форма, въ которую приказаніе должно быть облекаемо. Приказаніе требуетъ безусловнаго послушанія. Всякая мотивировка, аппелирующая къ усмотрѣнію исполнителя, желающая повліять на его волю указаніемъ на необходимость и цѣлесообразность требуемаго, противопоказуется, какъ умаленіе престижа. Исполнитель долженъ вѣрить въ необходимость требуемаго, онъ самъ долженъ догадываться о цѣляхъ приказанія по намеку, по взгляду. Мотивировка, присовокупляемая къ приказанію, указываетъ на возможность не необходимыхъ и цѣлесообразныхъ приказаній и на допустимость непослушанія со стороны исполнителя въ случаѣ не необходимыхъ и нецѣлесообразныхъ приказаній. Языкъ приказанія долженъ быть—опредѣленный, категоричный, твердый. Онъ долженъ быть краток, какъ военная команда, но не грубъ, не оскорбителенъ. Русскій языкъ выработалъ цѣлый рядъ оборотовъ, смягчающихъ повелительное наклоненіе: извольте сдѣлать то-то, не угодно-ли, потрудитесь, будьте добры, будьте любезны, пожалуйста, прошу васъ, я бы васъ просилъ, вы меня премногимъ обяжете и проч. Всѣ они, какъ и просительные жесты, мины, интонаціи, имѣютъ

единственной цѣлью—обратить требованіе въ просьбу, позолотить приказаніе, всегда заключающее въ себѣ нѣчто оскорбительное. Эту-же цѣль имѣютъ усиленныя благодарности, расточаемыя исполнившему приказаніе—впослѣдствіи.

Какъ ни важно въ интересахъ послѣдовательности и авторитета, не отмѣнять своихъ приказаній, однако требовать только изъ принципа безусловнаго исполненія всѣхъ приказаній, даже явно ошибочныхъ, значитъ заходить слишкомъ далеко. Мудрая умѣренность въ приказаніяхъ лучше всего предохраняетъ отъ необходимости отмѣнять свои приказанія. Кромѣ того, въ дѣлѣ послушанія немалую роль играетъ добрая привычка, и все то, что мѣшаетъ укорениться этой доброй привычкѣ, какъ частая отмѣна приказаній подъ вліяніемъ сознанія ихъ непрактичности или—что еще хуже—подъ вліяніемъ просьбъ и лести со стороны исполнителей,—должно быть признано вреднымъ.

Просьба—это въ нѣкоторомъ родѣ сестра приказанія. Цѣли тѣ же—послушаніе и точность, но средства подойти къ этимъ цѣлямъ, болѣе шатки, менѣе надежны. Мы просимъ о томъ, на что не имѣемъ ясныхъ, законныхъ правъ. Мы всецѣло въ рукахъ того, къ кому обращена наша просьба. Поэтому все зависитъ отъ него, а не отъ насъ, и указать какія нибудь правила для руководства просителю почти невозможно. Изучайте *его*, выбирайте такое время, когда *онъ* наиболѣе расположенъ, наиболѣе милостивъ, употребляйте такія средства, которыя больше на него вліяютъ. Узнать чужую слабость, чужой конекъ—въ этомъ секретъ управленія чужой волей. Нѣтъ такой воли, которая не имѣла бы своихъ слабостей. Всѣ мы идолопоклонники: одни поклоняются почету, другіе—интересу, третьи—и ихъ большинство—удовольствію. Задача въ томъ, чтобы найти и опредѣлить *его* идола. Разъ вы это сдѣлали, вы имѣете ключъ къ его волѣ. Иныя натуры—очень грубыя—любятъ лесть, любятъ, чтобы вы унижались передъ ними, стушевались въ блескѣ ихъ величія; иныя — не могутъ выносить словъ, и таютъ, яко воскъ передъ лицемъ огня, при видѣ плачущей (притворными слезами) женщины; иной, наоборотъ, преисполняется благороднаго негодованія при видѣ униженія просителя. Герценъ описываетъ удивительную сцену, разыгравшуюся въ пріемной одной важной особы. Тамъ стоялъ какой-то бѣдный старикъ съ медалями, просившій повидимому чего-то очень важнаго. Когда особа величественно подошла къ нему, съ своей граціозно-снисходительной улыбкой, старикъ сталъ на ко-

лѣни и вымолвилъ: „Ваше сіятельство, войдите въ мое положеніе“.

— Что за мерзость, закричалъ графъ, вы позорите ваши медали, —и, полный благороднаго негодованія, онъ прошелъ мимо, не взявъ его просьбы. Старикъ тихо поднялся, его стекляный взглядъ выразилъ ужасъ и помѣшательство, нижняя губа дрожала, онъ что-то лепеталъ.

Какъ люди безчеловѣчны, замѣчаетъ Герценъ, когда на нихъ приходитъ капризъ быть человѣчными!

Исполнить просьбу во всякомъ случаѣ пріятнѣе, чѣмъ отказать. Многіе не умѣютъ отказывать и этимъ доставляютъ себѣ большія затрудненія, ибо отказывать такъ же необходимо, какъ соглашаться. Особенно люди застѣнчивые соглашаются со всѣмъ, обѣщаютъ все, и часто горько жалѣютъ объ этомъ. Требуется извѣстная школа для отказыванія. Сначала упражняются на малыхъ вещахъ, стараются напр. отклонять предложенія разносчиковъ, лавочниковъ, не принимаютъ дурно исполненнаго и напускаютъ на себя искусственно нѣкоторую жесткость. Скоро у васъ явится смѣлость сказать „нѣтъ“ и въ болѣе важныхъ вопросахъ. Конечно, очень много значитъ форма отказа; иное „нѣтъ“ цѣнится выше другого „да“, ибо позолоченный отказъ пріятнѣе сухого согласія Существуютъ многіе, у которыхъ постоянно на языкѣ „нѣтъ“ и которые этимъ приносятъ людямъ много непріятностей. У нихъ на первомъ планѣ—отказъ, и когда они впослѣдствіи на что нибудь соглашаются, то это не цѣнится; это все равно, что вывалять кусокъ мяса въ грязи, а потомъ дать. Никогда не слѣдуетъ отказывать прямо, сразу, лучше разочаровывать просителя шагъ за шагомъ; должно всегда оставлять ему нѣкоторую надежду, подсластить горечь отказа. Наконецъ, должно изысканной вѣжливостью заполнить недостатокъ благоволенія, должно хотя бы красивыми словами замѣнить дѣла. „Да“ и „нѣтъ“ говорятся очень скоро, но требуютъ долгаго размышленія.

Глава VII. **О спорѣ**.

Когда бесѣда ведется между людьми, имѣющими различныя и твердо установившіяся воззрѣнія на данный предметъ, и когда каждый старается отстоять свое мнѣніе, то бесѣда переходитъ въ споръ. Для всякаго ясно, что споръ можетъ быть только о тереотическомъ вопросѣ, а не о фактѣ. О фактахъ будущихъ можно только *держать пари*, а споръ о фактахъ прошедшихъ является слѣдствіемъ или недоразумѣнія, или недобросовѣстности

одного изъ спорящихъ. Пари недостойно мыслящаго человѣка, а споръ о прошедшихъ фактахъ недостоинъ уважающаго себя человѣка.

Есть люди, просто любящіе поспорить. Они спорятъ ради спора, они изъ каждаго пустяка готовы сдѣлать слона, лишь бы имѣть о чемъ поспорить. Въ жизни изъ нихъ выходятъ отчаянные сутяги. Эти натуры вообще не изъ счастливыхъ. Часто они совершенно напрасно попадаютъ въ непріятности, ибо забываютъ правило: не слѣдуетъ принимать въ серьезъ то, что другой бросилъ на вѣтеръ. Многія слова, которыя были *чѣмъ-нибудь*, стали *ничѣмъ* только потому, что ихъ оставили въ покоѣ; изъ другихъ же, которыя были *ничѣмъ*, вышло очень многое только потому, что какой-нибудь сутяга принялъ ихъ близко къ сердцу. Въ началѣ все легко устранить, впослѣдствіи же сдѣлать это очень трудно.

Искусство спорить давно уже занимало мыслящее человѣчество. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, искусствомъ спорить, „эристикой", занимались Теофрастъ и Діогенъ Лаэрцій, сочиненія которыхъ до насъ, къ сожалѣнію, не дошли. Очень много въ этой области сдѣлалъ Аристотель, а также Платонъ. Въ новѣйшее время искусству спорить посвятилъ много труда Шопенгауэръ, который въ одномъ изъ раннихъ своихъ сочиненій далъ систематическій обзоръ различныхъ уловокъ, къ которымъ прибѣгаютъ спорщики въ разныхъ случаяхъ. Къ концу своей жизни Шопенгауэръ снова вернулся къ эристикѣ, но уже съ болѣе широкимъ взглядомъ на нее. Работа Шопенгауэра несомнѣнно самая солидная въ этой области. Ея мы будемъ держаться при нашемъ изложеніи.

Споръ, какъ и простой разговоръ, можетъ быть очень плодотворенъ для обѣихъ сторонъ, такъ какъ онъ или исправляетъ ихъ взгляды и мысли, или подтверждаетъ ихъ, или вызываетъ новыя. Споръ—это треніе или столкновеніе двухъ міровоззрѣній. Споръ сходенъ съ столкновеніемъ двухъ тѣлъ еще и въ томъ отношеніи, что только слабѣйшая сторона при этомъ страдаетъ. Въ виду такого положенія дѣла является необходимымъ, чтобы оба спорщика были, по крайней мѣрѣ приблизительно, равносильны, какъ въ смыслѣ знаній, такъ и въ смыслѣ ума и ловкости. Если у одного изъ нихъ не хватаетъ знанія, то до него не доходятъ аргументы противника; это все равно какъ если бы въ борьбѣ одинъ изъ борцовъ находился внѣ „мензуры", т. е. того разстоянія между противниками, отъ котораго ни одинъ изъ нихъ не долженъ уклоняться. Если же у него не хватаетъ ума и ловкости, то, при полномъ убѣжденіи въ своей правотѣ, онъ счи-

таетъ дозволеннымъ прибѣгать для защиты своего мнѣнія къ разнымъ нечестнымъ уловкамъ и подходцамъ, а при первомъ указаніи на это отвѣчаетъ грубостью. Поэтому какъ въ фехтовальномъ искусствѣ, на турнирахъ, къ борьбѣ допускаются только равносильные противники, такъ и въ словесномъ спорѣ *ученый не долженъ диспутировать съ невѣждой*, ибо не можетъ употребить противъ него своихъ лучшихъ аргументовъ: этотъ просто не пойметъ или не оцѣнитъ ихъ по недостатку знаній. Если же ученый пустится въ тонкія разъясненія своихъ доводовъ, то онъ потерпитъ неудачу, и какое нибудь нелѣпое возраженіе, сказанное его противникомъ, легко можетъ показаться правымъ въ глазахъ столь же невѣжественныхъ слушателей. Но еще хуже, когда у противника не достаетъ ума и сообразительности. Этотъ сейчасъ же чувствуетъ себя задѣтымъ за самое чувствительное мѣсто, и если у него нѣтъ честнаго стремленія къ истинѣ и поученію, то противникъ его скоро замѣтитъ, что имѣетъ дѣло не съ его разсудкомъ, а съ его волей, которая озабочена только однимъ: во что бы то ни стало одержать побѣду. Поэтому его мысли направлены не на что другое, какъ на уловки, на хитрости и на всякаго рода подвохи; когда же вы вздумаете его разоблачить, онъ становится грубымъ, чтобы только тѣмъ или другимъ способомъ вознаградить себя за пораженіе и огорчить побѣдителя. Поэтому, вотъ второе правило для спорящихъ: *не спорь съ дуракомъ*.

Изъ вышеизложеннаго видно, что въ обществѣ не очень много людей, съ которыми стоитъ вступать въ споръ. Большинство людей считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ всякое несогласіе съ ихъ мнѣніемъ; поэтому съ ними должно или соглашаться, если высказанное ими хоть нѣсколько допускаетъ согласіе, или же должно уклоняться отъ всякаго отвѣта на ихъ сужденія. Вступивъ же съ ними въ споръ, вы себѣ наживете однѣ непріятности, такъ какъ будете имѣть дѣло не только съ ихъ умственной неспособностью, но и съ ихъ нравственною испорченностью. „И не оспаривай глупца" Пушкин.

Глава VIII. Какъ вести споръ?

Хитрости, уловки и всякія нечестности, къ которымъ прибѣгаютъ противники, довольно многочисленны, хотя повторяются съ извѣстной правильностью. Многія изъ нихъ, числомъ около сорока собраны въ одномъ юношескомъ произведеніи Шопенгауера. Но, какъ призналъ самъ Шопенгауэръ во второмъ томѣ своихъ

„Parerga und Paralipomena“, въ такомъ перечисленіи нѣтъ особенной надобности, если указать существенныя правила, которымъ долженъ слѣдовать споръ. Всякое уклоненіе отъ этихъ правилъ, умышленное или неумышленное, должно быть строго преслѣдуемо спорящими сторонами.

При этомъ нужно еще оговорить слѣдующее. Законы діалектики, какъ и законы логики или грамматики, лежатъ въ насъ самихъ; мы имъ слѣдуемъ и до теоретическаго ознакомленія съ ними и, даже зная ихъ, мы о нихъ совершенно забываемъ на практикѣ, въ пылу спора. Они, слѣдовательно, учатъ насъ тому, что мы знаемъ и безъ нихъ, но тѣмъ не менѣе они не только интересны, но и полезны: они даютъ намъ возможность легко находить ошибки въ мышленіи—и нашемъ собственномъ и нашихъ противниковъ.

Въ спорѣ выставляется извѣстное положеніе и подвергается опроверженію. Существуетъ два вида проверженія и два пути его.

Виды слѣдующіе: опроверженіе, имѣющее въ виду *вещь* т. е. самый предметъ спора, *опроверженіе ad rem*, и опроверженіе, имѣющее въ виду человѣка, то есть въ данномъ случаѣ нашего противника, *опроверженіе ad hominem.*

Въ настоящемъ, законномъ спорѣ допускается только первый видъ опроверженія, ибо только съ его помощью можно опровергнуть абсолютную или объективную истинность какого либо положенія, такъ какъ мы доказываемъ, что оно не соотвѣтствуетъ природѣ данной вещи. Употребляя второй видъ опроверженія, мы можемъ опровергнуть только относительную истинность высказаннаго противникомъ положенія, а именно: мы докажемъ, что оно противорѣчитъ другимъ утвержденіямъ или допущеніямъ его, или докажемъ, что случайно приведенные имъ доводы не выдерживаютъ критики. Но это отнюдь не даетъ еще намъ права утверждать, что его положеніе невѣрно.

Представимъ себѣ, что идетъ споръ о вопросѣ изъ области философіи или естествовѣдѣнія, и нашъ противникъ (онъ долженъ быть для этого англичаниномъ) позволяетъ себѣ привести въ качествѣ доводовъ библейскіе тексты. Мы вправѣ опровергать его доводы аргументами такого же свойства; но это отнюдь не даетъ намъ права утверждать, что его положеніе противорѣчитъ истинѣ. Вопросъ остается нерѣшеннымъ какъ и раньше, ибо мы употребили *опроверженіе ad hominem*, а не *опроверженіе ad rem.*

Опроверженіе ad hominem имѣетъ за собою преимущество

краткости, и это соблазняетъ очень многихъ, такъ какъ всестороннее разъясненіе вещи часто слишкомъ пространно и затруднительно.

Два пути опроверженія—слѣдующіе: *прямой* и *косвенный*. Первый беретъ положеніе за его основаніе, а второй имѣетъ въ виду его слѣдствіе. Первый показываетъ, что оно невѣрно, а второй, что оно не можетъ быть вѣрно. Разсмотримъ ихъ поближе.

Опровергая положеніе противника путемъ *прямымъ*, мы нападаемъ на его основаніе, т. е. показываемъ, что одна изъ посылокъ, на которыхъ основывается это положеніе, невѣрна, или доказываемъ, что изъ данныхъ посылокъ, истинность которыхъ мы допускаемъ, положеніе противника не можетъ вытекать, т. е. отрицаемъ слѣдствіе.

Напримѣръ, нѣкто разсуждаетъ такъ:

Божественный законъ повелѣваетъ повиноваться гражданскимъ властямъ.

Епископы не принадлежатъ къ гражданскимъ властямъ.

Слѣдовательно, божественный законъ не повелѣваетъ повиноваться епископамъ.

Желая опровергнуть это положеніе прямымъ путемъ, мы должны опровергать или первую посылку, или вторую, или же должны отрицать правильность вывода.

Опровергая положеніе *косвеннымъ* путемъ, мы беремъ какое нибудь слѣдствіе, вытекающее изъ даннаго положенія, и доказываемъ невѣрность его, дабы этимъ доказать невѣрность самаго положенія. При этомъ возможны два способа:

Первый способъ состоитъ въ томъ, что мы указываемъ на вещь или отношеніе, которыя подходятъ подъ данное положеніе, но къ которымъ оно непримѣнимо. Это самый простой способъ опроверженія.

Представимъ себѣ, что нашелся софистъ, разсуждающій такъ:

Евангеліе обѣщаетъ христіанамъ спасеніе.

Есть порочные люди, принадлежащіе къ христіанскому вѣроисповѣданію.

Слѣдовательно, Евангеліе обѣщаетъ спасеніе порочнымъ людямъ.

Стоитъ только указать примѣръ порочныхъ людей, которыхъ Евангеліе осуждаетъ, и положеніе это опровергнуто.

Другой способъ сложнѣе. Мы на время допускаемъ, что положеніе нашего противника истинно; затѣмъ мы съ нимъ связываемъ другое, никѣмъ не оспариваемое положеніе, и изъ нихъ какъ изъ посылокъ, выводимъ заключеніе, съ которымъ не можетъ согласиться нашъ противникъ, такъ какъ оно или противорѣчитъ природѣ вещей, или природѣ данной вещи, или же другому его утвержденію. Такимъ образомъ этотъ способъ можетъ

быть или ad hominem или ad rem. Если тѣ истины, которымъ противорѣчитъ полученное нами положенiе, совершенно очевидны, если онѣ—аксiомы, то мы привели противника нашего къ абсурду (ad absurdum). Во всякомъ случаѣ, такъ какъ приведенная нами новая посылка неоспорима, то вѣрность заключенiя указываетъ не невѣрность защищаемаго нашимъ противникомъ положенiя.

Напримѣръ, нѣкто (онъ долженъ быть или очень ограниченнымъ человѣкомъ или антисемитомъ) разсуждаетъ такъ:

Ограничиваютъ въ правахъ преступниковъ.
Въ Россiи евреи – ограничены въ правахъ.
Слѣдовательно, евреи—преступники.

Чтобы опровергнуть это положенiе вторымъ способомъ, нужно допустить на время его справедливость, затѣмъ прибавить: Спиноза (или кто-нибудь другой)—еврей; слѣдовательно, онъ—преступникъ.

Если теперь доказать, что къ Спинозѣ понятiе преступникъ непримѣнимо, мы получимъ опроверженiе ad rem; если самъ говорящiй отзывался съ похвалой о характерѣ и безупречной жизни Спинозы, то безъ всякихъ доказательствъ получимъ опроверженiе ad hominem. Если вмѣсто Спинозы назвать еврея, безупречность котораго составляетъ аксiому, то этимъ противникъ приведенъ къ абсурду. Не нужно даже брать лицъ непремѣнно iудейскаго вѣроисповѣданiя, можно брать и крещеныхъ евреевъ, предварительно доказавъ, что преступность или непреступность нисколько не зависятъ отъ вѣры.

Всѣ способы опроверженiя въ спорѣ можно подвести подъ изложенные здѣсь виды.

Глава IX. **Уловки нечестныхъ спорщиковъ**.

Шопенгауэръ приводитъ въ Parerga und Paralipomena изъ своего ранняго произведенiя нѣсколько уловокъ, къ которымъ прибѣгаютъ недобросовѣстные спорщики:

Распространенiе. Утвержденiе противника выводится за его естественные предѣлы, берется въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ онъ предполагалъ или даже ясно высказалъ, дабы въ такомъ видѣ удобнѣе было опровергать.

Напримѣръ: А утверждаетъ, что англичане превосходятъ въ драматическомъ искусствѣ всѣ другiе народы. Б на это возражаетъ, что въ музыкѣ, а слѣдовательно и въ оперѣ, ихъ работы незначительны.—Отсюда слѣдуетъ, что въ спорѣ должно строго ограничивать свои выраженiя, должно ясно указать разумѣемый нами

смыслъ и вообще ограничивать свои утвержденія по возможности узкиии предѣлами; чѣмъ шире ваше утвержденіе, тѣмъ большимъ нападкамъ оно можетъ быть подвергнуто.

Еще уловка: *фабрикація заключеній.* Къ положенію противника присоединяютъ, часто даже не высказывая этого ясно, другое положеніе, которое сродни первому со стороны подлежащаго или сказуемаго. Изъ этихъ двухъ посылокъ выводятъ невѣрное, часто нелѣпое заключеніе, которое приписываютъ противнику.

Напримѣръ: А хвалитъ французовъ за то, что они изгнали Карла X. Б тотчасъ же возражаетъ: по вашему, слѣдовательно, и мы должны изгнать нашего короля.—Противникъ сфабриковалъ здѣсь новую посылку, приблизительно такого рода: всѣ народы, изгоняющіе королей, достойны похвалы.

Еще уловка: *Отводъ.* Когда во время спора становится яснымъ, что противникъ побѣдитъ, то стараются отклонить это несчастіе, тѣмъ, что сводятъ споръ на другой предметъ, побочный, а иногда даже и совершенно новый, путемъ болѣе или менѣе замаскированнаго скачка. Такимъ образомъ мѣняется тема спора, и противникъ лишается вѣрной побѣды, вынужденный обратиться въ другую сторону. Если же, къ несчастію, нашъ спорщикъ и здѣсь натыкается на серьезное возраженіе, то онъ снова дѣлаетъ скачекъ къ другому предмету. Это можно повторить разъ десять въ теченіе одной четверти часа, если противникъ не потеряетъ терпѣнія. Такой отводъ можетъ быть выполненъ весьма искусно и незамѣтно, если переносить споръ на родственный темѣ предметъ, и, если возможно, на другую сторону той же темы. Менѣе искусно выходитъ, когда перескакиваютъ къ другимъ отношеніямъ того же предмета, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ, о чемъ идетъ рѣчь, напримѣръ, говоря о буддизмѣ китайцевъ, перейти къ ихъ чайной торговлѣ. Если же это неисполнимо, то придираются къ какому нибудь случайно употребленному противникомъ выраженію, чтобы хоть такимъ образомъ избавиться отъ старой темы. Если же и къ этому нѣтъ повода, то можно набраться храбрости и неожиданно перескочить на другой предметъ, напримѣръ такъ: „позвольте, давеча вы утверждали, что“ и т. д.

Среди всѣхъ хитростей, которыми пользуются, часто безсознательно, недобросовѣстные противники, отводъ самый любимый, самый употребительный и почти неизбѣжный способъ, лишь только они попали въ затрудненіе. Лишь только вы замѣтили упорство въ возраженіяхъ, сознательное нежеланіе принять ваши

доводы, какъ бы они ни были безспорны, вы должны тотчасъ же прекратить споръ. Ибо вы имѣете полное основаніе ожидать, что противникъ вашъ станетъ недобросовѣстнымъ. Ничто такъ не раздражаетъ человѣка, какъ явное нежеланіе понять его. Съ человѣкомъ, который не хочетъ принять хорошихъ доводовъ своего противника никогда не нужно вступать въ споръ уже потому, что онъ этимъ самымъ обнаруживаетъ свою ограниченность.

Впрочемъ, чтобы быть вполнѣ справедливымъ нужно сказать, что иногда будетъ слишкомъ опрометчиво отказаться отъ своего мнѣнія при первомъ удачномъ доводѣ противника. Мы чувствуемъ всю силу его довода, но тѣ положенія, которыя опровергаютъ этотъ доводъ, и вообще то, что можетъ подкрѣпить и спасти наше положеніе приходятъ намъ въ голову не сразу. Если мы тотчасъ же признаемъ нашу позицію потерянной, то можетъ статься, что именно этимъ мы погрѣшимъ противъ истины, такъ какъ впослѣдствіи окажется, что мы таки были правы и поддались минутному впечатлѣнію изъ слабости или недостатка вѣры въ наше дѣло.

Мало того, иногда доказательство, приводимое нами въ защиту своего положенія, можетъ быть завѣдомо слабымъ, но оно приводится за неимѣніемъ въ данную минуту болѣе сильнаго довода, который впослѣдствіи можетъ и придти намъ въ голову. На этомъ основаніи иногда вполнѣ честные и правдолюбивые люди не поддаются тотчасъ же хорошему доводу, а, наоборотъ, пробуютъ еще немного возражать и даже остаются нѣкоторое время при своемъ положеніи и послѣ того, какъ доводы противника поколебали его. Они въ этомъ случаѣ уподобляются военачальнику, который старается удержать за собою еще нѣкоторое время позицію, хотя явно безнадежную, въ надеждѣ на какую нибудь помощь. Такимъ образомъ, вы почти принуждаетесь къ маленькой нечестности въ спорѣ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ сражаетесь не за истину, а за свое положеніе. Таково несовершенство человѣческаго разума и неизвѣстность истины.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

„Эристика или Искусство спорить".

А. Шопенгауэра.

Для полноты нашей работы приведемъ изъ „Эристики" Шопенгауэра остальныя подмѣченныя имъ въ юности уловки нечестныхъ спорщиковъ, хотя онѣ изложены безъ системы и отчасти уже заключаются въ вышеприведенныхъ.

1. Пользуются двусмысленнымъ словомъ противника, т. е. злоупотребляютъ омонимами, подставляя одно значеніе вмѣсто другого. Напр.: „Все равно!"—Нѣтъ, не все равно: есть и горы.

2. Утвержденіе, касающееся только части предмета, переносятъ на весь предметъ. Напр.: „Мавры черны!"—Неправда, у нихъ и зубы бѣлые и глазные бѣлки бѣлые.

3. Не соглашаются даже съ вѣрными посылками, когда видятъ, что выводъ изъ нихъ полезенъ противнику. Спорить съ человѣкомъ, прибѣгающимъ къ этой уловкѣ,—удовольствіе изъ среднихъ. Лучшее тутъ средство—не раскрывать слишкомъ рано своихъ картъ, а давать доводы по одиночкѣ и при томъ безъ всякаго порядка, дабы онъ не могъ догадаться, куда мы клонимъ, и прикрывать игру до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится съ тѣмъ, что намъ нужно. Можно въ такомъ спорѣ прибѣгать къ ложнымъ посылкамъ, если тотъ ни за что не хочетъ признавать вѣрныхъ, напр. пользоваться доводами ad hominem, исходя изъ точки зрѣнія противника. Можно опровергать ложные доводы ложными же, если послѣдній считаетъ ихъ правильными. Напр. если онъ послѣдователь какой-нибудь секты, мы имѣемъ право аргументировать изреченіями этой секты, хотя бы мы ихъ отрицали.

4. Засыпаютъ противника такъ называемыми „сократовскими" вопросами (т. е. такими, которые даютъ вопрошающему возможность оперировать доводами, признанными и формулированными самимъ противникомъ), требуя немедленныхъ и категорическихъ отвѣтовъ, и быстро излагать аргументацію изъ допущеннаго съ

такимъ расчетомъ, чтобы у противника не было времени замѣтить наши ошибки.

5. Стараются раздражать противника, потому что въ состояніи раздраженія человѣкъ не можетъ слѣдить за собою и высказывать строго обдуманныя положенія, не можетъ даже замѣтить свою правоту. Раздраженіе же легко вызывается всякаго рода мелочными придирками и вообще недобросовѣстнымъ отношеніемъ.

6. Задаютъ вопросы не въ томъ порядкѣ, какого требуетъ заключеніе, а въ перемежку. Въ этомъ случаѣ человѣкъ, не знающій точно, къ чему относятся эти вопросы, можетъ ошибиться, всячески стараясь не давать противнику козыря въ руки. На этой ошибкѣ его и ловятъ. Эта провокаціонная уловка имѣетъ много общаго съ способомъ отраженія уловки № 3.

7. Чтобы не давать противнику никакихъ признанныхъ доводовъ и, такимъ образомъ, не лить воду на его мельницу,— они отрицаютъ все: я не я, и кобыла не моя. Когда противникъ сознательно отвѣчаетъ отрицаніемъ на такіе вопросы, гдѣ утвердительный отвѣтъ намъ необходимъ для доказательства нашего положенія, то надо спрашивать обратное тому, чего требуетъ положеніе, какъ бы желая его утвержденія, или же, если онъ на такую удочку не поддается, ставить вопросъ такъ, чтобы онъ не догадался, чего именно мы добиваемся.

8. Доказывая какое-нибудь положеніе способомъ индуктивнымъ, т. е., разбирая отдѣльные случаи для того, чтобы потомъ вывести общее положеніе, отчетливо задаютъ противнику вопросы объ отдѣльныхъ случаяхъ, но отнюдь не о томъ, соглашается-ли онъ также съ общей истиной, вытекающей изъ этихъ случаевъ. Имъ выгоднѣе ввести эту истину, какъ молчаливо признанную, ибо иногда и самому противнику можетъ показаться, что онъ уже призналъ ее, а тѣмъ болѣе постороннимъ слушателямъ, которые только что выслушали цѣлый рядъ утвердительныхъ отвѣтовъ.

9. Злоупотребляютъ синонимами, напередъ вмѣщая въ слово то положеніе, которое надлежитъ доказать. Напр., доказывая нечестность торговцевъ, именуютъ ихъ торгашами, вмѣсто священнослужителей говорятъ „попы“, фанатизмъ величаютъ „религіознымъ рвеніемъ“, плохое веденіе дѣлъ отождествляютъ съ банкротствомъ, признательность — съ платой, или подкупомъ и т. д.

10. Чтобы заставить противника согласиться со своимъ утвержденiемъ, они сопоставляютъ рядомъ положенiе противоположное, такъ что противникъ, избѣгая обвиненiя въ парадоксальности, долженъ принять предлагаемое утвержденiе. Это то же, какъ если поставить сѣрый предметъ рядомъ съ чернымъ и требовать, чтобы его признали бѣлымъ, или поставить его рядомъ съ бѣлымъ и требовать, чтобы его признали чернымъ.

11. Когда на заданные вопросы противникъ отвѣтилъ такъ тонко, что отвѣтами воспользоваться нѣтъ возможности, то это ихъ не смущаетъ: они дѣлаютъ заключенiе, которое какъ будто бы вытекаетъ изъ данныхъ отвѣтовъ и провозглашаютъ его съ трiумфомъ. Если противникъ застѣнчивъ или глуповатъ, то эта уловка легко удается.

12. Если они не въ состоянiи доказать своего положенiя, то предлагаютъ противнику какое-нибудь другое, правильное, хотя и не совсѣмъ очевидное положенiе. Тутъ возможны два случая: или у противника закрадывается подозрѣнiе, и онъ отрицаетъ послѣднее положенiе, тогда онъ доводится до абсурда, и побѣда готова; или же онъ соглашается съ послѣднимъ положенiемъ, и мнимая побѣда опять готова: они все-таки сказали нѣчто разумное. Вдобавокъ присоединяютъ еще предыдущую уловку и провозглашаютъ доказаннымъ первое положенiе. Несмотря на все безстыдство такого двойного обмана, онъ встрѣчается въ жизни очень часто; есть люди, которые прибѣгаютъ къ нему совершенно инстинктивно.

13. Широко пользуются аргументами ad hominem, т. е. смотрять, не противорѣчитъ-ли утвержденiе противника либо тому, что онъ раньше доказывалъ или признавалъ, либо тезисамъ той школы или секты, которую онъ когда-нибудь хвалилъ, либо дѣятельности послѣдователей этой секты, либо, наконецъ, его собственному поведенiю. Напр., если противникъ защищаетъ самоубiйство, то спрашиваютъ его, почему онъ самъ до сихъ поръ не повѣсился, или если онъ утверждаетъ, что Берлинъ нехорошiй городъ и что въ немъ невозможно жить, то спрашиваютъ, почему онъ не уѣзжаетъ отсюда съ первымъ поѣздомъ.

14. Если противникъ приперъ ихъ къ стѣнѣ своими доводами, то они спасаются какимъ нибудь тонкимъ различенiемъ, о которомъ прежде, можетъ быть, и не думали, если только предметъ допускаетъ двоякое значенiе или двоякiй случай.

15. Если у нихъ нѣтъ отвѣта на прямо поставленный вопросъ, то они обобщаютъ предметъ и въ такомъ видѣ его опровергаютъ. Напр., не будучи въ состояніи доказать, почему они считаютъ ту или другую физическую гипотезу не заслуживающей довѣрія, они начинаютъ говорить вообще о несостоятельности и несовершенствѣ человѣческихъ знаній, и на этомъ строятъ дальнѣйшее доказательство.

16. Если противникъ приводитъ неправильный аргументъ, то вмѣсто того, чтобы опровергать его обнаруженіемъ и разборомъ заключающейся въ немъ неправильности, они отвѣчаютъ такимъ же ложнымъ и софистическимъ аргументомъ, но обратнаго значенія. Напр., на аргументъ ad hominem они отвѣчаютъ обратнымъ аргументомъ ad hominem, ибо у нихъ вся суть въ побѣдѣ, а не въ истинѣ.

17. Противорѣчіемъ и запальчивостью въ спорѣ они принуждаютъ противника расширить и преувеличить свое положеніе, и когда имъ удается разбить напрасно сдѣланное обобщеніе, они принимаютъ видъ, какъ будто разбили основной тезисъ.

18. При помощи ложныхъ умозаключеній и всякаго рода искаженій они дѣлаютъ изъ тезиса противника такіе выводы, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ и которые совершенно противорѣчатъ взглядамъ противника, а такъ какъ положенія, вытекающія изъ его тезиса, находятся, такимъ образомъ, въ противорѣчіи или между собою, или съ общепринятыми истинами, то это сходитъ за косвенное опроверженіе самаго тезиса.

19. Всякое общее положеніе легко опровергается какимъ нибудь однимъ примѣромъ, къ которому оно не подходитъ. Напр., утвержденіе „всѣ жвачныя животныя имѣютъ рога“ опровергается однимъ указаніемъ на верблюда. Легкость опроверженія чрезвычайно заманчива для нечестныхъ спорщиковъ, и поэтому надо обращать вниманіе: 1) не представляетъ-ли данный примѣръ исключеніе, аномалію, чудо и т. д.; 2) дѣйствительно-ли примѣръ подходитъ подъ выставленную истину, и 3) дѣйствительно-ли примѣръ находится въ противорѣчіи съ выставленной истиной.

20. Аргументъ, которымъ хочетъ воспользоваться противникъ, употребляютъ противъ него. Напр. на утвержденіе: «да онъ ребенокъ, къ нему нельзя относиться строго» возражаютъ: «именно поэтому и надо его учить, дабы шалость не вошла у него въ привычку».

21. Если на какомъ-нибудь удачномъ аргументѣ, противникъ начинаетъ видимо злиться, они усиленно пользуются этимъ аргументомъ не только затѣмъ, чтобы еще больше раздразднить противника (№ 5), но и потому, что они увѣрены, что напали на слабую его сторону и, слѣдовательно, въ ихъ рукахъ важный козырь.

22. Когда споръ ведется въ присутствіи профановъ, то, за неимѣніемъ аргументовъ ad rem и даже ad hominem, прибѣгаютъ къ аргументамъ ad auditores, т. е. даютъ отвѣтъ завѣдомо негодный, но негодность котораго ясна лишь для свѣдущаго человѣка, а не для профановъ. Если еще отвѣтъ этотъ облечь въ комическую форму, т. е. поглумиться надъ противникомъ, то побѣда обезпечена, ибо люди всегда готовы смѣяться и всегда на сторонѣ смѣющагося. Чтобы обнаружить фальшь отвѣта, пришлось бы прибѣгнуть къ длинному разбору съ помощью главныхъ основъ науки и другихъ серьезныхъ доказательствъ, а серьезныя темы обыкновенно привлекаютъ немного охотниковъ.

23. Вмѣсто того, чтобы приводить логическія доказательства, ссылаются на авторитеты. Чѣмъ ограниченнѣе противникъ, и чѣмъ, слѣдовательно, большее количество авторитетовъ имѣетъ для него значеніе, тѣмъ легче съ нимъ спорить, особенно когда на своей сторонѣ имѣешь авторитетъ, имъ уважаемый. Съ авторитетами же дѣлаютъ все, что угодно, начиная отъ цитированія словъ, сказанныхъ въ другомъ смыслѣ и при другихъ обстоятельствахъ, продолжая намѣренными искаженіями цитатъ и кончая цитатами, нарочно сфабрикованными для даннаго случая. Заурядныя головы обыкновенно и сводятъ споръ къ авторитетамъ и, имѣя дѣло съ такимъ человѣкомъ, приходится и самому прибѣгать къ авторитету, ибо логическіе доводы на него не дѣйствуютъ.

24. Когда они не знаютъ, что отвѣчать на утвержденія противника, то съ ироніей признаются въ своей некомпетентности: «То, что вы сказали, недоступно моему слабому уму; можетъ быть, вы и правы, но я не понимаю этого, потому отказываюсь высказать какое-либо мнѣніе». Этой уловкой пользуются только въ томъ случаѣ, когда вполнѣ сознаютъ свое превосходство надъ противникомъ въ глазахъ слушателей, напр. когда спорятъ профессоръ и студентъ. Въ сущности этотъ пріемъ повторяетъ предыдущій, только тутъ логическіе доводы замѣнены не чужимъ, а собственнымъ авторитетомъ спорящаго. Опровергать эту уловку

можно слѣдующимъ отвѣтомъ: «Простите, но при вашей проницательности, вамъ очень легко будетъ понять это; я, конечно, виноватъ, что слишкомъ неясно изложилъ предметъ», и затѣмъ разжевать противнику предметъ вопреки его собственному желанію, заставляя его убѣдиться, что дѣйствительно сначала не понялъ. Такимъ образомъ, уловка возвращена по принадлежности: противникъ хотѣлъ признать наше положеніе абсурдомъ, мы доказали его непонятливость; то и другое не выступаетъ изъ границъ вѣжливости и приличія *).

25. Чтобы устранить или по крайней мѣрѣ опорочить утвержденія противника, сводятъ ихъ при малѣйшей возможности на какой нибудь всѣми презираемой или неуважаемой категоріи. Въ такомъ случаѣ обыкновенно восклицаютъ: „э, голубчикъ, да вѣдь это уже давно извѣстно, это манихейство! это аріанство! это идеализмъ! это спинозизмъ! это натурализмъ! пантеизмъ! декадентщина! спиритизмъ! мистицизмъ!» и т. д. Чтобы опрокинуть эту уловку, надо доказать, что утвержденіе не имѣетъ ничего общаго съ указанной категоріей, или что категорія эта не настолько опровергнута, что въ ней нѣтъ ни на іоту истины.

26. «Можетъ быть, это справедливо въ теоріи, но на практикѣ совершенно ложно». При помощи такого софизма люди въ принципѣ соглашаются, но въ то же время отвергаютъ выводы противника, совершенно забывая, что вѣрное въ теоріи должно быть вѣрно и на практикѣ, иначе надо допустить, что въ самую теорію вкралась какая-нибудь ошибка.

27. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на умъ противника логическими доводами, дѣйствуютъ на его волю, напр. даютъ понять, что если онъ своему взгляду будетъ придавать большое значеніе, то сильно повредитъ своимъ интересамъ. Человѣкъ слабохарактерный въ такихъ случаяхъ моментально отказывается отъ своего взгляда: такъ обыкновенно бросаютъ неосторожно взятый руками раскаленный кусокъ желѣза. Если духовное лицо защищаетъ какой нибудь философскій догматъ, то стоитъ только ему напомнить, что онъ такимъ образомъ грѣшитъ противъ основного догмата церкви, какъ онъ моментально отступится отъ философіи. То же бываетъ, когда слушатели при-

*) Грубо вышло бы, если бы мы ограничили свой отвѣтъ словами: „Простите, я не виноватъ, что вашъ мыслительный аппаратъ такъ плохо дѣйствуетъ, что вы не въ состояніи понять столь простой вещи.“

надлежатъ къ одной съ нами сектѣ (роду занятія, вѣрѣ, классу, клубу и т. д.), а противникъ къ другой. Пусть его тезисъ будетъ тысячу разъ вѣренъ, но разъ мы намекнемъ, что онъ противорѣчитъ общимъ интересамъ упомянутой секты, всѣ слушатели станутъ считать его аргументы слабыми и жалкими, хотя бы они ни самомъ дѣлѣ были превосходны, наши же, хотя бы самые несостоятельныеп, окажутся имъ вѣрными и хорошими. Присутствующіе хоромъ подадутъ за насъ голосъ, а противникъ уйдетъ съ позоромъ.

28. Озадачиваютъ и сбиваютъ противника съ толку безсмысленнымъ наборомъ словъ и фразъ.

29. Когда противникъ доказываетъ совершенно вѣрное положеніе плохими доводами, то опроверженіе доводовъ выдается за опроверженіе самого положенія.

Послѣдняя уловка. Когда они замѣчаютъ, что передъ ними болѣе сильный противникъ, то, чтобы его принизить, придираются къ нему при первомъ удобномъ случаѣ, не отступая и передъ грубостью.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Глава I. О разговорѣ 1
Глава II. Что значитъ разговаривать 5
Глава III. О чемъ разговаривать? 11
Глава IV. Какъ и когда разговаривать? 15
Глава V. О молчаніи 21
Глава VI. Искусство приказывать, просить и отказывать . . 22
Глава VII. О спорѣ 25
Глава VIII. Какъ вести споръ 27
Глава IX. Уловки нечестныхъ спорщиковъ 30
Прибавленіе. „Эристика“ Шопенгауэра 33